

Георгий Лантин

СИНИЙ ТАРАНТУЛ

Шпионы. Дело №...

Георгий Ланин
Синий тарантул

«ВЕЧЕ»

1957, 1958

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Ланин Г.

Синий тарантул / Г. Ланин — «ВЕЧЕ», 1957, 1958 — (Шпионы. Дело №...)

ISBN 978-5-4484-8848-1

Враг пытается проникнуть в секреты советской атомной промышленности, разработан хитроумный план внедрения агента с целью подорвать добычу алмазов. На пути иностранных агентов встают сотрудники Бюро особых расследований и его глава – полковник Язин. Повести Георгия Пермякова (Г. Ланин) «Синий тарантул» (1957) и «Красная маска» (1958) – интересный и яркий пример отечественной бондианы. Погони, перестрелки, приемы из арсенала ниндзя, невероятные гаджеты и коварные трюки поразили воображение советского читателя. И сегодня, помимо выигрышной динамики сюжета, несомненно, трогает обаяние прошлого, такого яркого и настоящего.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8848-1

© Ланин Г., 1957, 1958

© ВЕЧЕ, 1957, 1958

Содержание

Флеминг из Хабаровска	6
Синий тарантул	9
1. «Невидимка» в спецчасти	9
2. Тайна бронированного кабинета	11
3. Спецгруппа	14
4. Кабинет Язина	16
5. Супермагнит	19
6. Китайская ваза	22
7. Синцов в подземелье	24
8. Поединок	26
9. Телеобъектив	28
10. Первый след	31
11. Совещание шести	33
12. Доклад Ганина	36
13. Человек с мозолью	39
14. Память Сократа	43
15. Кандидат наук	45
16. Жирные пятна	48
17. Пещера	50
18. Шакалье гнездо	52
19. Главный инженер	54
20. Цитатель Головнина	57
21. В лучах контрразведки	59
22. Синий тарантул	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Георгий Ланин

Синий тарантул

© Ланин Г., наследники, 2023

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Флеминг из Хабаровска

Судьба нашего сегодняшнего автора наглядно подтверждает, что жизнь зачастую куда изощрённей самого буйного писательского сознания. Георгий Георгиевич Пермяков родился в декабре 1917 года в Уссурийске. Социальное происхождение: отец – предприниматель, мать – дворянка, и близость границы предопределили судьбу семьи. В начале 1920-х семья перебирается в Китай. До 1927 года Пермяковы жили в Тяньцзине, а потом переезжают в Харбин – столицу русской эмиграции в Китае. В Харбине Георгий посещал русскую гимназию имени Достоевского. «Факультативно» Пермяков учил китайский и японский язык. Кроме изучения восточных языков, юный Пермяков увлекался спортом. По свидетельству его дочери, в сферу его интересов входила академическая гребля, теннис, прыжки в воду, плавание, бокс. Окончить курс в родной гимназии Пермякову не удалось. В шестнадцать лет он получил советский паспорт, что не нашло понимания у гимназического начальства. Для завершения курса пришлось перейти в другую гимназию. Образование продолжилось на китайском отделении Восточного института имени святого Владимира.

Получение советского паспорта не было личной прихотью Георгия. Вся его семья сохранило советское подданство. Собственно, за границу Пермяковы перебрались с помощью будущего маршала Блюхера, что рождает определённые версии. Во время Великой Отечественной войны Пермяков-старший неоднократно устраивал денежные сборы среди богатых русских харбинцев в фонд помощи Красной Армии. С 1939 года Пермяков-младший работает в советском Генеральном консульстве в Харбине. Он совмещает должности переводчика, преподавателя китайского и даже проявил себя в радиоперехвате. Харбин в те годы – проходной двор для мировых разведок: японской, американской, немецкой. Известно, что Пермяков был знаком с Рихардом Зорге, встречался с ним на приёме у японского посла. На следующий день после того, как Советский Союз объявил войну Японии, Пермякова арестовала японская контрразведка. Целую неделю он пробыл без еды в камере смертников.

После разгрома милитаристской Японии Георгий Пермяков продолжает работать переводчиком. Ему поручается важная миссия. 19 августа в Мукдене советский десант захватил в плен Пу И – последнего императора Маньчжурии. Его перевозят в лагерь военнопленных под Хабаровском и готовят для участия в Токийском процессе (август 1946 года) над главарями японской военщины. Дача показаний Пу И продолжалась восемь дней. Георгий Пермяков был личным переводчиком низложенного императора. Его должность звучала серьёзно и загадочно – старший переводчик спецобъекта № 45. Понятно, что помимо лингвистических обязанностей он выполнял ряд других функций и, видимо, неплохо. Есть свидетельство, что Пермяков предотвратил самоубийство бывшего главы Маньчжурии. В конце сороковых Пу И написал письмо Сталину, в котором признал правоту марксизма и предложил семейные драгоценности в фонд восстановления Советского Союза. Своему переводчику перевоспитавшийся император подарил часы и томик Конфуция. О времени, проведённом рядом с коронованной особой, рассказывают мемуары Пермякова «Пять лет с императором Пу И». Параллельно старший переводчик Пермяков участвовал в работе хабаровского трибунала, на котором всплыли подробности японской бактериологической программы.

В августе 1950 года Пермякова увольняют из системы МВД СССР. Встал вопрос – где жить и чем заниматься дальше? Решение первого вопроса зависело от воли «вышестоящих органов». Одна из точек сбора бывших русских харбинцев – Хабаровск. Так, в нём в 1945 году поселился Всеволод Никанорович Иванов – фактически министр пропаганды в администрации Колчака, ставший в эмиграции историческим писателем. Иванов и Пермяков прекрасно знали друг друга с харбинских времён. Естественно, что их общение продолжилось и в хабаровский период. Вполне вероятно, что под влиянием старшего товарища Пермяков обратился к лите-

ратуре. Он пишет рассказы на китайскую тему, сотрудничает с местными газетами. Все эти тексты и публикации имели умеренный успех. Пермяков изобрёл понятие «потиргаз», которое расшифровывается как «повышатель тиража газет». Ему нравилось писать сенсационные тексты, вызывающие оторопь у читателей. К сожалению, узкие рамки газетной работы, требующие связи публикаций с тем, что называется действительностью, мешали молодому автору развернуться. Богатое прошлое и хорошо развитое воображение подсказали жанр, в котором можно было добиться успеха. Молодой автор вспомнил о своём детстве. Из воспоминаний Пермякова: «Когда наша семья в 1927 году переехала в Харбин (мы бежали тогда от японцев), я обнаружил, что там продают гораздо больше детективных романов. И с 1932 года (мне было 15 лет) я стал зачитываться детективами. Когда мне исполнилось 16, я учился в 6-м классе гимназии, <...> написал свой первый роман. Это, конечно, очень громко сказано: “детективный роман “Фэрлезин – растворитель железа”. Сюжет был такой: английский ученый изобрел кислоту, которая растворяет камень, железо. Гангстеры, узнав об этом, подослали к нему красавицу шпионку, которая у него из-под носа [выкрала] патент на изобретение. Бандиты построили себе фабрику по производству этой кислоты и с ее помощью стали грабить банки. Расследовать эти преступления приезжает высокий, с большим носом сыщик сэр Смит».

Пермяков пишет свою первую шпионскую повесть «Синий тарантул». Книга вышла под псевдонимом «Г. Ланин», ставший основным для Пермякова. Её книжный вариант вышел в 1957 году в «Амурском книжном издательстве». Заявленный тираж – девяносто тысяч экземпляров – в полном объёме так и не добрался до читателей. В «Крокодиле» появился разгромный фельетон, издательство отозвало большую часть тиража. Но есть версия, куда более приятная для авторского самолюбия. Арлен Блюм – исследователь советской цензуры – считает, что «Тарантула» могли запретить по причине «разглашения государственной тайны». Она касалась методов добычи урановых руд и организации хранения стратегически важного металла. Неудача с первой повестью не остановила Пермякова. Он пишет новую повесть «Красная маска». Увы, её удалось напечатать только в газетах «Молодой дальневосточник» (Хабаровск) и «Амурский комсомолец» (Благовещенск) (1957–1958 гг.). Издательства не рискнули связываться с сомнительным автором. Тем не менее неофициальный успех обеих повестей был несомненным. Чем притягивали советского читателя повести Г. Ланина?

Ответ кроется в биографии Георгия Пермякова. Выросший в «свободном мире», он без проблем читал авантюрные и шпионские романы зарубежных и русских авторов, а потому придавал особое значение действию. Гремевшие в те годы романы Сакса Ромера о зловещем докторе Фу Манчу – гении преступного мира, ставящего своей целью завоевать мир, – широко переводились и издавались на русском языке в эмигрантских издательствах. На русском языке написано «Синее золото» Аркадия Бормана, изданное в 1939 году в Шанхае. В нём отважные белые эмигранты пробираются на золотой прииск в советской России... Как видим, переклички весьма явные, включая названия произведений. Формально главным героем «Синего тарантула» и «Красной маски» выступает полковник КГБ Язин – руководитель Бюро особых расследований. Обратим внимание на nepозволительную вольность Г. Ланина со штатной структурой столь серьёзной организации. Но роль полковника в повествовании достаточно статична. Он хмурится, пьёт чай, даёт задания своим подчинённым. Символично, что имя-отчество Язина так и остаётся загадкой для читателя. В этом отношении полковник Язин недалеко ушёл от сыщика Смита с большим носом. Само же пространство в повестях наполнено действием, локация и ситуации стремительно сменяются. Здесь есть таинственные пещеры, ночные погони, переодевания. В одной из сцен иностранный агент растворяет в скафандре тело советского контрразведчика. Можно полагать, что при этом используется та самая кислота из первого гимназического романа Георгия Пермякова. Нигде в советских шпионских книгах нет такого пристального и любовного внимания к тому, что у нас сейчас называют «гаджетами». Вот часть эпизода, в котором враг пытается пробраться в здание Главурана:

«Вскоре у незнакомца в руках оказалась небольшая труба, напоминающая миномет малого калибра. Укрепив её перед окном чердака, человек стал определять оптическим дальномером расстояние между крышей дома водников и мрачным особняком напротив. Работа эта, видимо, была важной, так как человек в чёрном повторил её дважды, освещая прибор потайным фонариком. Установив, что от чердака до крыши дома напротив – семьдесят два метра, человек аккуратно заложил в короткую трубу небольшую мину, от которой, как от гарпуна, тянулся тонкий шнур. Проверив миномет и точность наводки, человек в чёрном нажал спуск. Раздался приглушённый взрыв, будто на землю упал тяжёлый мешок. Снаряд с мягким свистом вылетел из миномета и упал на крышу пятиэтажного дома, где прочно прилип к железным листам. Почти килограммовая мина была сделана из сверхмагнитной стали, с силой притяжения в сотни раз превышавшей обычный магнит. Снаряд укрепил на крыше шнур из мана – особо прочного медно-аммиачного волокна».

Всё это напоминает хорошо знакомые нам фильмы о похождениях Джеймса Бонда. Стихия чистого экшена выгодно отличает книги Г. Ланина от большинства книг советских писателей, которые зачастую лишь формально назывались «приключенческими». Жаль, что Пермякову не удалось полностью реализовать свой потенциал и стать советским Флемингом. Возможности для этого у него, несомненно, были. Но и то, что удалось напечатать под именем Г. Ланина, позволило переводчику императора Пу И занять своё особое место среди авторов советских шпионских романов.

Георгий Георгиевич Пермяков умер в 2005 году. До сих пор многие его произведения остаются ненапечатанными или разбросанными по страницам периодической печати. Надеемся, что знакомство с ними ещё состоится, и мы, быть может, ещё узнаем имя-отчество начальника Бюро особых расследований.

М.В. Хлебников, канд. философских наук

Синий тарантул

1. «Невидимка» в спецчасти

Утром 12 июля начальник спецчасти Главурана Ильин был сильно встревожен. Минуту назад он обнаружил, что главный журнал по учету атомных руд был кем-то тайно прочитан.

Вот уже два дня, как Ильин клал журнал в левый угол сейфа, прислонив его вплотную к стенке, а сегодня между нею и толстой черной книгой зияло пространство шириной в два пальца.

Стараясь не потерять присутствия духа и не трогая журнала, Ильин уже в который раз спрашивал себя, не сам ли положил его так небрежно. Начальник спецчасти знал, что ошибки быть не могло, что он всегда проверял, касается ли журнал стенки. Но, может быть, изменили память и привычка?

Прежде чем сообщить о случившемся начальнику Главурана Пургину, Ильин решил обратиться с мыслями. Он сел за письменный стол, сжав ладонями виски. Даже предположение, что кто-то мог прочитать совершенно секретный журнал, куда начальник Главурана лично вносит скупые цифры добычи стратегических руд целой области, наполняло Ильина трепетом.

Он смочил водой из графина носовой платок и приложил его ко лбу. Мысли потекли спокойнее. «Может быть, это просто мираж?» – Ильин еще раз заглянул в темную часть стального сундука, вмурованного в стену. Победитовая дверь толщиной в кирпич была раскрыта. Виднелись вишневый [лакуна] книги учета спецсталей, коричневый переплет журнала по редким землям. На третьей полке лежал журнал атомных руд. Начальник спецчасти закрыл глаза, вновь открыл их, однако увидел ту же картину [лакуна] пустого пространства между черной книгой и зеленой стенкой сейфа. Страшное зрелище для человека, который отвечал за главный журнал честью, именем, свободой!

Осторожно, боясь задеть книгу, он протянул руку к стенке сейфа и мизинцем измерил пустое пространство. Сомнений не оставалось! Щель в два пальца была слишком велика даже для рассеянного человека! Сняв телефонную трубку, Ильин набрал номер начальника.

– Товарищ Пургин, – глухо начал он, – говорит Ильин. Думаю, в моем кабинете произошла катастрофа.

– Немедленно иду, – встревожился Пургин и бросил трубку.

Чуть успокоившись, Ильин стал размышлять о пути, которым мог проникнуть враг. Пол кабинета имел под собой стальную броню, броневые плиты были заложены внутри стен и потолка. Очевидно, человек, похитивший секрет главного журнала, мог пробраться только через дверь или через окно. Подойдя к узким высоким окнам, Ильин раскрыл раму и сильно потряс решетку. Однако арочные, в палец толщиной прутья стояли недвижно.

Пургин, неторопливый человек лет пятидесяти, с правильным полным лицом, еще в дверях кабинета с ходу же тревожно спросил:

– Что случилось?

– Кажется, кто-то был в сейфе, трогал главный журнал, – забыв о приветствии, сказал Ильин.

Пургин резко шагнул к сейфу. В одно мгновение он мысленно представил себе всю систему защиты кабинета спецчасти: дверь бронирована, открывается электричеством, замки ее не поддаются отмычкам, днем и ночью по этажам главка с точностью часовых механизмов ходят вооруженные обходчики.

– Главный журнал, точно по инструкции, всегда кладу на полку вплотную к стенке, – продолжал Ильин. – А сейчас хотел достать журнал – и вижу щель в два пальца.

- Как электрорегистратор?
- Еще не смотрел.
- Надо проверить.

Ильин достал из кармана длинный ключ, похожий на цветок лилии, и открыл нижний ящик письменного стола. На темном сукне тускло блеснула металлом черная коробка размером с обычный электросчетчик. Ильин, волнуясь, взглянул на продолговатое оконце аппарата, где живым дрожащим светляком бегал вертикальный зеленый огонек. Нижний указатель отмечал каждое движение дверцы сейфа с шести вечера, когда Ильин оставлял кабинет, и до девяти утра, когда он возвращался. Однако все было в порядке: в смотровом глазке белела совершенно чистая лента.

Пургин облегченно вздохнул, однако в душе Ильина все не утихало сомнение: он знал, что не мог нарушить инструкцию. Почему между главным журналом и стенкой зияет роковое пространство? Забыв о Пургине, он упорно размышлял. Чужой не мог пробраться сюда через сталь, мимо вахтеров, обходчиков, открыть шифрованные дисковые замки. Неужели свой? И от одной этой мысли становилось нестерпимо больно. Вдруг мелькнуло подозрение: «А что, если это Селянин?»

Селянин, демобилизованный гвардеец, убирал оба кабинета спецчасти, отвечая за каждую вещь, стоящую в них.

«Нет! Нет! – гнал позорное предположение Ильин. – В сейф пробрался враг, только враг, неусыпно следящий за Ясногорском, – одним из центров атомной металлургии СССР».

Голос Пургина вывел его из раздумья:

– Все же надо связаться с охрангруппой.

«От винтовых самолетов человек шагнул к реактивным, – думал Ильин, набирая номер 18-12. Такой скачок, верно, сделан и в технике шпионажа. Что, если шифры, броня, сейфы устарели, как устарели аэропланы и динамитные взрывы?»

– Товарищ майор, это Ильин, – сказал он в трубку, – у меня тревога... Через пятнадцать минут? Ждем.

2. Тайна бронированного кабинета

Группа охраны работала с точностью хронометра. Не успели большие, черного дерева часы в кабинете Ильина пробить десятый удар, как секретарь сообщил:

– К вам три товарища.

Кнопкой под доскою письменного стола Ильин включил мотор, и стальные двери кабинета поползли в стороны. Тотчас же торопливо вошли трое в штатском. Впереди был майор Ганин – лет 45, высокий, с темными, короткими усиками, за ним – капитан Скопин, румяный, большелобый. Чуть поодаль остановился человек в очках; он держал небольшой чемоданчик, какой обычно носят врачи.

– Здравствуйтесь, товарищи! – поздоровались вошедшие.

– Доброе утро, – приподнялся Ильин. – Сюда, товарищ майор, сюда, товарищ капитан! Сюда, товарищ не знаю вашей фамилии.

– Горлов.

За три года работы в Главуране майор Ганин впервые находился в кабинете спецчасти. Поэтому он с любопытством осматривал его: статуэтки на столе, розы в вазоне, шкаф с книгами, гардины на окнах.

Ильин сразу приступил к делу:

– Простите, что потревожил вас, но мне самому очень тревожно. Здесь, как вам известно, собираются главные атомные тайны нашей области. – Говоря это, Ильин оглянулся на раскрытую дверь массивного сейфа. – Стратегические секреты же, в полном смысле этого слова, сосредоточиваются в главном журнале, который хранится в этом сейфе. Согласно инструкции, – продолжал Ильин, – я должен заявлять в группу охраны при малейшем подозрении...

– Правильно! – энергично кивнул Ганин.

– ...вот почему я и позвонил вам. Сделаю некоторое разъяснение. Цифровой материал по стратегическим рудам обрабатывают отделы, затем передают его в спецгруппу при начальнике главка. Работу группы подытоживает лично товарищ Пургин, и он же собственноручно вписывает цифры в главный журнал, – Ильин посмотрел на сидевшего рядом начальника.

– Так! – произнес майор.

– Руды же спецкатегорий учитывает только спецгруппа. И опять-таки товарищ Пургин лично заносит итоги в журнал. Как поставлена охрана нашей спецчасти да и всего главка – вам известно лучше меня. И все же мне кажется, что кто-то в мое отсутствие раскрывал сейф, трогал главный журнал.

Лицо майора стало очень внимательным, его длинные брови сдвинулись у переносицы. Скопин подался всем телом вперед.

– Какие признаки?

– Я всегда кладу журнал в левый угол верхней полки вплотную к стенке сейфа. Так требует инструкция. Сегодня же обнаружил, что между стеной и журналом щель.

– Была ли цела печать?

– Да.

– Где храните печать?

– В кармане для часов. – Ильин достал серебряную печать на толстой цепочке.

– Что показал регистратор? – спросил Скопин, специалист по электротехнике.

– Лента чиста.

– Регистратор можно отключить. Позвольте осмотреть.

Все пятеро подошли к ящику стола. Склонившись над прибором, Скопин проверил кварцевые оконца аппарата, винты, на которых держалась черная коробка, затем внимательно осмотрел провода в лупу. Прошло несколько минут, прежде чем капитан сказал:

- Как будто никто не трогал.
- Журнал этого года? – продолжал Ганин.
- Да.
- Окна целы?
- Целы. Но не мешало бы осмотреть их вашим людям.
- Кто был у вас здесь вчера?
- Никого.
- Кроме Селянина?
- Да.
- Когда вы обнаружили, что журнал сдвинут?
- Полчаса назад.

Ганин и Скопин интересовались всем: устройством замков сейфа, местом хранения ключей, шифрами дисков, лицами, посещавшими кабинет за последние дни.

– А теперь, Николай Иванович, ваша очередь, – обратился Ганин к молодому человеку в очках.

Горлов раскрыл чемоданчик с дактилоскопическими приборами и задал лишь один вопрос:

- Брали ли вы сегодня журнал в руки, товарищ Ильин?
- Нет.

Большим пинцетом Горлов извлек журнал из сейфа и положил его на стол. Это была тяжелая книга с кожаным корешком без единой надписи на переплете. Обмакнув небольшую широкую кисть в графитовый порошок, Горлов покрыл им обложку журнала, включил лампу с ярким голубым светом и, приложив вплотную к глазу сильную лупу, долго изучал поверхность переплета, время от времени издавая неопределенные звуки:

- Гм!.. Гм!.. Странно!..

Затем он осмотрел уголки нескольких страниц, все так же посыпая их темным порошком, и кратко сообщил:

– Переплет обследован с обеих сторон. Проверено девять уголков у страниц. На переплете и внутри – отпечатки одних и тех же пальцев...

- Пальцев? – встревожился Ильин.

– Да, возможно, это отпечатки ваших пальцев. Но помимо них, имеются еще и следы резиновых перчаток.

Слова дактилоскописта заставили всех насторожиться.

– Графит не взял следы резины. Помог аргенторат. Подушечки от пальцев оставили следы на переплете, на уголках каждой страницы. Рука левая, пальцы широкие. Толщина резины на перчатках – примерно двадцатая миллиметра.

- А ну, Николай Иванович, проверь и последние страницы, – попросил Ганин.

Ильин был бледен. Все увидели, как дрожат его руки, когда он прикрывал бумагой цифры, оставляя для обследования лишь уголки страниц.

Черный порошок аргентората, голубой свет, двойная лупа – все это снова было пущено в ход, и вскоре Горлов нашел те же следы и на последних страницах журнала. Затем дактилоскопист спросил:

- Товарищ Ильин, листая журнал, вы пользуетесь иглой?

- Никогда!

– Очевидно, – заключил Горлов, – резиновые перчатки мешали человеку листать журнал, и он помогал себе иглой или шилом.

Теперь было несомненно, что кто-то проник в сейф. Пока Скопин задавал короткие вопросы Ильину, Горлову и Пургину, майор обдумывал, как составить доклад начальнику

Управления госбезопасности и как просить его, чтобы в расследовании помог знаменитый контрразведчик Язин, раскрывший не один десяток самых запутанных дел.

3. Спецгруппа

Если бы кто-нибудь наблюдал за домом № 100 по Пушкинской улице, где размещался Главуран, он заметил бы не только усиленную охрану этого серого здания, не только высокий забор вокруг, но и то, что дом этот почти никто не посещал. Без четверти девять сюда собирались служащие и ровно в десять минут седьмого – уходили. Днем к серому зданию изредка подъезжали машины. Из них выходили вооруженные курьеры, которые быстро скрывались в узких литых дверях.

Предъявив дежурному вахтеру синий с золотыми буквами пропуск, работники главка уже через тридцать шагов должны были показать ответственному дежурному второй, внутренний пропуск – узкую малиновую книжечку. Помимо этого, обходчик был вправе в любое время дня потребовать от служащих оба этих документа. После шести вечера наружная охрана усиливалась, и в коридорах опустевшего учреждения появлялся дополнительный вахтер.

Окна дома, стоявшего на прочном гранитном цоколе, на всех этажах были защищены толстыми стальными решетками. Специалист заметил бы еще, что это здание с почти плоской крышей не имело ни водосточных труб, ни пожарных лестниц. Инженер Зуев, построивший его в 1939 году, мог бы рассказать много интересного о внутренних секретах планировки и устройства комнат. Дальнейшее развитие событий выявит тайны этого монументального сооружения, которое жители Ясногорска называли «Серым замком». Пока же следует добавить, что лифты Главурана имели убыстренный ход, что на пятом этаже, где находились наиболее секретные отделы, стены таили в себе стальные плиты, и что ряд сотрудников главка имел личное оружие.

Ясногорск был центром области, добывавшей наибольшее в СССР количество урана, тория, циркония, бериллия и других редких элементов. Рудники, шахты, копи, рудообогащительные фабрики слали в главк пятидневные, а иногда и ежедневные отчеты по добыче металлов.

На первом этаже здания располагались хозяйственная часть, бухгалтерия, секретариат, аппаратная и группа охраны, на втором – велась статистика по цинку, свинцу, висмуту. Еще выше шел учет иридия, золота, графита и специальных атомных сталей: инвара, корундита, алмазита. На четвертом – работали статистики по редким землям и урановым рудам. Пятый этаж занимался нептунием и другими заурановыми элементами, а также атомными реакторами. Здесь же помещалась спецгруппа при начальнике Главурана, обобщавшая статистическую работу главка, а вернее – всей атомной металлургии области. На пятом же этаже находилась и спецчасть, которую возглавлял Ильин, человек до жестокости строгий в соблюдении устава по хранению служебных тайн. «Пятая часть», как еще называли два кабинета Ильина, был святая святых Главурана. Вся строго секретная статистика атомной металлургии, бережно, с пчелиным усердием собираемая по области, сосредоточивалась в бронированном кабинете Ильина. Если только один человек в главке, сам Пургин, вбирал в свою память всю работу урждения, то другой человек, Ильин, неусыпно и свято оберегал все секретные бумаги Главурана.

Спецгруппа, состоявшая из четырнадцати особо доверенных людей, размещалась в семи кабинетах, устланных коврами, отчего ее еще образно именовали «Семь персидских ковров». Убранство комнат отличалось деловой простотой – два дубовых письменных стола, темно-зеленые счетные машины, тяжелый сейф в углу.

В памятное утро, 12 июля, когда Ильина потрясло нарушение тайны главного сейфа, в одном из кабинетов разговаривали две девушки. Одна из них была очень красива, другая – энергичная, быстрая блондинка – скорее могла быть названа привлекательной.

– Вдруг Вадим заболел? – волновалась темноволосая девушка с яркими серыми глазами. – Не может же Вадим не прийти на работу просто так!

– Придет, Оля, – успокаивала ее белокурая. – Видишь, за ним не посылают. Была получка, и он, видно...

– Таня! – строго посмотрела на нее брюнетка, которую звали Ольгой Зариной.

– Никогда так не говори! Вадим дал слово мне и Попову! Ты это понимаешь?! И он сдержит его.

У Ольги дрогнула верхняя губа.

– Тогда, значит, у него что-нибудь важное, – примирительно согласилась Таня. – Видишь, и Аркадий Аркадьевич не посылает за ним.

Вадиму Нежину, о котором шла речь, было около 30 лет. Окончив с отличием финансово-экономический институт в Казани, он работал статистиком в управлении рудной промышленности министерства, откуда его как талантливого специалиста перевели в Ясногорск. Здесь в течение двух лет он сумел подняться от второго этажа до пятого, а еще через год вошел в число работников спецгруппы.

В то время как Зарина и Дорофеева беспокоились о пропавшем Нежине, в остальных кабинетах «Семи персидских ковров» шла молчаливая слаженная работа. Щелкали рычажки счетных машин, расшифровывались сообщения-сводки с рудников, заводов, из трестов. Специалисты группы вели сложнейший учет, на который без счетных приборов ушли бы недели кропотливого труда. Все уже знали, что Нежин сегодня не пришел.

Когда Воропаев, работавший в одном кабинете с ним, открыл новую пачку суточных отчетов по «лучистой руде» – урану, дверь медленно открылась, и показался Нежин – высокий шатен с густыми вьющимися волосами. Во всем его облике чувствовалось что-то утонченное, хрупкое, говорившее, что этот человек – кабинетный работник, никогда не знавший физического труда.

– Здравствуй! – коротко бросил он и, тряхнув красивой головой, сел за стол.

Воропаев украдкой взглянул на часы – было ровно двенадцать. Нежин провел по лицу шелковым надушенным платком, еще раз тряхнул головой и нехотя придвинул к себе счетную машину. Но как только листы сводок отчетов оказались на столе, как только длинные тонкие пальцы Нежина легли на клавиши счетной машины, он преобразился. Темно-зеленый счетный аппарат заходил под его руками, как ходит строгальный станок скоростного резанья. Нежин производил сложнейшие вычисления, делил, множил, вычитал. Его быстрые, как у пианиста-виртуоза, пальцы так и бегали по вогнутым клавишам машины. Готовые цифры Нежин немедленно перепечатывал с итогового окошка на бесшумной пишущей машинке. Вращающийся стул, который Вадим спроектировал сам, позволял ему, не вставая, переключаться с вычислительного аппарата на машинку и обратно.

Воропаев с гордостью следил за своим другом. Он все не мог привыкнуть к блестящему темпу его вычислений, к слаженности его ума и пальцев, к скорости и точности его математического мышления. «Ты у меня Эвклид от статистики!» – порой говорил он Нежину в шутку, и польщенный Нежин скромно улыбался.

Главуран работал как обычно, словно в кабинете Ильина ничего не произошло.

4. Кабинет Язина

Чем быстрее росла добыча атомных руд в области, тем сложнее становилась работа майора Ганина. Он знал, что враг скрытно и неотступно следит за главком, стараясь проникнуть в него.

Несколько лет назад противник действовал грубо и злобно. Он взорвал паровой котел, отравил питьевую воду, подослал человека, который тайно фотографировал сотрудников. Но вот уже целый год группе охраны не удавалось обнаружить ничего, что говорило бы о действиях врага. Майор Ганин понимал, что противник, сменив руководителя, начал более осторожную тактику. «Может быть, человек от врага уже в Главуране?» – иногда задавал себе Ганин тягостный вопрос. И как раз случай с сейфом жестоко подтвердил справедливость его опасений.

Выйдя из кабинета Ильина, майор Ганин бросился в Управление госбезопасности. Генерал Долгов принял его немедленно. Пятиминутный доклад майора поднял на ноги все органы госбезопасности в области.

Возвращаясь из Управления, Ганин не переставал спрашивать себя: «Кто же враг?» Предатель мог быть только в штате пятого этажа, точнее, в спецгруппе: никто, кроме работников спецчасти и спецгруппы, не знал даже о существовании главного журнала.

Немедленно после доклада Ганина в Сером замке закипела слаженная и незримая работа. Была пущена в ход вся имевшаяся в распоряжении УГБ аппаратура для борьбы со шпионажем. Эксперты сфотографировали кабинет Ильина, в мельчайших деталях осмотрели и проверили каждый винт, державший стальные прутья на окнах, сняли отпечатки пальцев на столе, на ручках сейфа следы ног на полу. И все же, просмотрев к 2 часам дня десятки следограмм, отчетов, фотографий, дактилоснимков и экспертывыводов, Ганин, сидя у себя в кабинете, произнес печальный приговор:

– Говорю прямо, Скопин. Устарели мы с тобой. Вот у нас документы, снимки, экспертиза, а дело ни с места. Откровенно говоря, ничем и не докажешь, что враг забирался в сейф. Пришла новая техника!

Скопин, просматривавший учебник о методах проникновения иностранной разведки в сейфы, в душе соглашался с майором. Время от времени он откладывал книгу и рассматривал блестящие в лучах солнца влажные и еще пахнувшие эфиром снимки. У обоих не было даже гипотезы о действиях врага.

Как разведчик пробрался в кабинет, не прикоснувшись к оконным решеткам?

Как открыл сейф?

Как сфотографировал журнал?

Все это время Ганин сидел в нервном ожидании: с минуты на минуту должен был позвонить генерал Долгов. «Что решил генерал? Пригласить Язина или самим искать? – думал начальник охрангруппы. – А если Язин занят другим делом? Дорог каждый час: пленка, на которую переснят журнал, может уже находиться в пути за границу».

Но только в семь часов вечера раздался долгожданный звонок.

– Ганин, – ответил майор, взяв трубку.

– Долгов, – послышался баритон генерала. – Язин прибыл в Ясногорск, Ростовская, 8. Надо съездить к нему. И сейчас же.

– Капитан, – Ганин обрадованно и лукаво взглянул на своего румяного коллегу, – нам с тобой сейчас ехать к Язину.

«Каждая минута, что кило урана», – думал Ганин, раздражаясь на черные треугольники по желтому полю, задерживавшие ход автомобиля. По покрасневшему лицу Скопина было заметно, что он волнуется не меньше майора.

Скопина занимало, как выглядит знаменитый контрразведчик, – стар ли, молод ли? Беспокоил и служебный вопрос: успеет ли ответственный по наружному наблюдению Пегов собрать к вечеру общие выводы за последний квартал (группа Пегова оберегала специалистов Главурана от похищения), и, наконец, капитана Скопина интересовало странное опоздание на работу сотрудника спецгруппы Нежина, совпавшее с проникновением неизвестного в сейф.

Плавно затормозив, «Волга» доставила обоих контрразведчиков к двухэтажному белому зданию. Поднимаясь по широким ступеням, Ганин и Скопин тщетно старались скрыть друг от друга волнение. Сейчас они увидят начальника БОРа – Бюро особых расследований, люди которого работают только в особо важных случаях вражеского шпионажа. Ни Ганин, ни Скопин не встречались с легендарным Язиным, раскрывшим столько запутанных краж секретных чертежей, похищений старших офицеров Советской Армии, проникновений в военные лаборатории. «Анаконда», «Золотой крест», «Мурена» – были лишь наиболее интересными из его дел. И сейчас, идя по коридору, устланному зеленой дорожкой, Ганин и Скопин чувствовали почти юношескую робость.

– Кабинет № 16, – сообщил им невысокий бритый человек, как только они предъявили свои пропуска.

Перед шестнадцатым кабинетом была небольшая приемная, вся обстановка которой состояла из дубовых стульев и крохотного диктофона.

– Проходите, пожалуйста, – раздался голос из аппарата, лишь только они закрыли за собой дверь.

Кабинет оказался большой светлой комнатой, похожей на лабораторию. На столах у окон тянулись микроскопы, гониометры, МИСы – микроскопы сравнительного исследования, центрифуги, МБСы. Вдоль стен стояли холодильники, термостаты, десятки строгих черных приборов, которые Ганин и Скопин не знали даже по литературе. В углу кабинета за тяжелым столом сидел широкоплечий человек, с высоким лбом, на вид лет сорока.

– Садитесь, пожалуйста, – проговорил он голосом более усталым, чем строгим.

Язин не встал навстречу офицерам, не подал им руки. Вблизи было видно, что начальник БОРа сильно утомлен и бледен.

– Я получил телеграмму от генерала Долгова. Примерная обстановка мне известна. – Голос Язина стал чист и энергичен. – Журнал, конечно, сфотографирован. Снимки могут уйти за кордон. Несколько вопросов, – и не дожидаясь согласия офицеров, восхищенно рассматривавших его, Язин спросил: – Кто ведает кадрами Главурана?

– Москва. Главное управление кадров министерства.

– Что вы думаете об Ильине?

– Крепость, недоступная врагу.

– Кто на подозрении?

– Работники спецгруппы по статистическому учету при начальнике глазка. Всего 14 человек. Группа находится на том же этаже, где стоит сейф. Только ее люди знают о существовании главного журнала и месте его хранения.

– Кто убирает спецчасть?

– Селянин. Бывший гвардеец.

– Форма крыши Серого замка?

– Покатая, – ответил Ганин, удивляясь, откуда Язин знает местное название Главурана. – Без дымовых и водосточных труб.

– Крыша из железа, черепицы, шифера?

– Железо.

– Зря. – вполголоса заметил Язин. – Каков предел вашей техники?

– Электрорегистратор, дактило- и следоскопия, электрозамки, радиолокация, не считая специальной оптики.

- Не нарушалась ли безопасность Главурана прежде?
 - Три года назад – диверсия на электростанции. Два года назад – отравление воды в главке. Последний год – затишье.
 - Много ли случаев проникновения шпионов в Ясногорск?
 - Скажу прямо, не знаю. Слышал, что есть.
- Зазвонил телефон.
- Извините, товарищи, – Язин взял трубку. – Предстоит операция, – сказал он через несколько секунд. – Разговор продолжим позднее.
- И Язин быстро встал.
- Ганин и Скопил увидели, что начальник БОРа высок и статен.

5. Супермагнит

Около 11 часов вечера того же дня во двор общежития водников вошел ничем не приметный человек в черном. Большой двор уже опустел. Лишь из открытых окон несло пение, звуки радио, слышались голоса. Подойдя к железной пожарной лестнице, укрепленной в стене, человек сильными движениями стал подниматься по ней, не глядя вниз. Добравшись до седьмого этажа, он шагнул на крышу и, осторожно ступая резиновыми туфлями, подошел к чердачному окну. Открыв его и забравшись внутрь, он некоторое время отдыхал. Затем, достав небольшой бинокль, он стал внимательно рассматривать соседнее, затихшее по-ночному здание, выходявшее тыльной стороной к дому водников, а фасадом на улицу Пушкина. Вокруг здания шел высокий забор, на нем через равные промежутки горели яркие лампы. Вдоль стены медленно двигались ночные сторожа.

Вскоре у незнакомца в руках оказалась небольшая труба, напоминающая миномет малого калибра. Укрепив ее перед окном чердака, человек стал определять оптическим дальномером расстояние между крышей дома водников и мрачным особняком напротив. Работа эта, видимо, была важной, так как человек в черном повторил ее дважды, освещая прибор потайным фонариком. Установив, что от чердака до крыши дома напротив – семьдесят два метра, человек аккуратно заложил в короткую трубу небольшую мину, от которой, как от гарпуна, тянулся тонкий шнур. Проверив миномет и точность наводки, человек в черном нажал спуск. Раздался приглушенный взрыв, будто на землю упал тяжелый мешок. Снаряд с мягким свистом вылетел из миномета и упал на крышу пятиэтажного дома, где прочно прилип к железным листам. Почти килограммовая мина была сделана из сверхмагнитной стали, с силой притяжения в сотни раз превышавшей обычный магнит. Снаряд укрепил на крыше шнур из мана – особо прочного медно-аммиачного волокна. Другой конец его остался в руках незнакомца. Теперь между домом водников и серым зданием установилась подвесная воздушная дорога.

Настороженно прислушиваясь, не привлек ли чьего-либо внимания звук выстрела, человек некоторое время выжидал. Затем, выглянув из окна, посмотрел на небо. Наслаиваясь одна на другую, бежали рваные черные тучи, чуть моросил теплый и тонкий, как пудра, дождь.

Пошарив по чердаку и найдя стропила, незнакомец привязал к ним конец манового шнура. Небольшой металлической катушкой с рычагом он стал подтягивать шнур, пока подвесной путь от чердака до крыши черневшего вдали Главурана не натянулся как струна. Чтобы проверить свою работу, человек схватился за шнур и повис на нем. Притяжение магнита было сильнее веса незнакомца: под его тяжестью шнур лишь провис, со скрипом врезавшись в стропила.

Шел первый час ночи. Все так же моросил дождь. Теперь в руках у человека оказался стальной блок с мановой петлей. Незнакомый надел блок на шнур и, спрятав миномет в небольшой плоский рюкзак черного же цвета, выбрался наружу и подполз к краю крыши. На него пахнуло легким, влажным ветром. Чернея неясными сужающимися маршами, круто падала в пропасть пожарная лестница. По двору двигалась крохотная человеческая фигурка. Осторожно отползши от семиэтажного обрыва, неизвестный в черном достал из внутреннего кармана темный шелковый платок и обвязал им лицо. Затем, продев ногу в петлю от блока и привязавшись ремнем, он надел на руки кожаные рукавицы и, еще раз проверив натяжение шнура, встал во весь рост, уверенно подошел к зияющему обрыву и сильным рывком бросился вниз. От тяжести тела и рывка визжащий блок пронес его до половины расстояния между домами. Ветер чуть не сорвал платок с его лица. Раскачиваясь из стороны в сторону, человек остановился над огромными тополями.

Выждав, когда прекратится раскачивание, незнакомец стал двигаться дальше, подтягиваясь на руках, пока не добрался до скользкой крыши Главурана. Не отдыхая, он надел на

вновь натянувшийся шнур раздвинуло кольцо с запалом и пустил его в обратном направлении. Дойдя до чердака, кольцо-ракета ударило о стропила и мгновенной реакцией пережгло мановый шнур, который бессильно упал на вершины деревьев. Быстрыми и ловкими движениями смотав шнур, человек с большим усилием, обеими руками отодрал магнит от крыши, понемногу подкладывая под него медную пластинку, и спрятал его в медный же футляр. Лишь после этого он сел отдыхать.

Затем, распластавшись, он пополз по округлой металлической крыше. Полз неизвестный медленно, осторожно, боясь сорваться. Он, видимо, хорошо знал здание Главурана, так как полз к ярко освещенному окну коридора пятого этажа, не имевшему защитной решетки.

Снова достав из футляра магнит, который мгновенно врос в крышу, человек прикрепил к нему умещавшуюся в портсигаре веревочную лестницу и стал медленно спускаться вдоль стены. Внизу шелестели сонные деревья, в свете ламп виднелись каменные плиты двора. Когда незнакомец был над окном пятого этажа, внизу показался вахтер, и тот замер, держась за мановые петли. Но лишь только ночной сторож скрылся за углом, человек узким стальным инструментом вскрыл форточку, а затем и окно.

Проникнув на пятый этаж Главурана, он закрыл окно и двинулся было по коридору, но тут же послышались шаги обходчика. Бросившись в первую же дверную нишу, неизвестный замер.

Не подозревая об опасности, рослый вооруженный обходчик поднялся по лестнице и теперь проверял двери кабинетов. Он толкал их рукой, затем, нагибаясь, смотрел, целы ли печати. Когда он оказался в нескольких шагах от человека в черном, тот стремительно выскочил из-за укрытия. Раздался короткий треск, и обходчик замертво упал на пол, пораженный повисшим в воздухе небольшим туманным облачком. Обойдя газ и не оглядываясь на свою жертву, преступник спокойно пошел по коридору: он знал, что газовое усыпление действует более двух часов.

Теперь незнакомец методически осматривал двери кабинетов, несколько задержавшись у того, где помещалась спецчасть Ильина. Продолговатую печать на этой двери маска изучала особенно тщательно. Спустившись на четвертый этаж, человек обошел все комнаты и остановился перед кабинетом № 16. Срезав ножом восковую печать и спрятав ее в карман, он особым прибором открыл дверь. Войдя в кабинет и осветив его фонариком, незнакомец осмотрел счетные машины, сейфы, столы. Не заперев двери, он спустился по мраморной лестнице до поворота на третий этаж и, подкараулив второго обходчика, незаметно сфотографировал его через телеобъектив. Черный костюм незнакомца, яркий огонь злых глаз, горевших над темным шелком платка, производили зловещее впечатление.

Когда второй охранник скрылся в коридоре, человек в маске-платке бесшумно, по-кошачьи прокрался обратно на пятый этаж и подошел к обходчику, все еще лежавшему с раскинутыми руками на темной дорожке коридора. Осмотрев его оружие, человек при электронной вспышке сфотографировал охранника и дверь кабинета Ильина – «Многоугольник», пославший в СССР человека в черном, требовал точных и неопровержимых доказательств.

После этого человек подошел к окну и некоторое время колебался – вернуться ли ему обратно на крышу и снова добираться до дома водников или спуститься вниз и уйти через забор. Он избрал последний путь. Теперь предстояла наиболее рискованная часть операции. Каждые пять минут внизу вдоль гранитного цоколя проходил охранник. Лишь только он скрылся за домом, незнакомец быстро спустился вниз по веревочной лестнице и, послав наверх еще одно реактивное кольцо по шнуру, параллельному лестнице, сжег ман наверху. С мягким звуком лестница упала вместе со шнуром на землю. Освещенный ярким светом ламп, человек с лихорадочной поспешностью смотал лестницу и шнур. Покажись сейчас обходчик, дерзкий шпион был бы пойман, но он успел не только сложить свое приспособление, но и броситься в

тень забора. Здесь его поразила высота стены, она была не ниже одноэтажного дома и сверху опутана колючей проволокой.

Неумолимо бежали секунды. Скоро опять появится обходчик. Вот послышались его шаги... Шпион молниеносно кинулся за бочку с песком, стоявшую в углу двора, и переждал, пока охранник, постояв около, не тронулся дальше.

Лишь только вахтер удалился, как человек в черном набросил на забор крючок, зацепив им за проволоку. От крючка тянулась та же мановая лестница из шнура с петлями для ног. Потянув ее и проверив, крепка ли проволока наверху, незнакомец взглянул на часы и опять замер за бочкой.

Вновь показался сторож, вновь посмотрел на бочку, на забор – и опять скрылся за углом. В тот же миг человек стрелой выскочил из своего убежища и, торопливо перебирая руками и ногами по петлям лестницы, поднялся по пахнущему известью забору. Выждав, пока наружный охранник завернет за угол, Лайт – разведчик «Многоугольника», цепляясь за стальные колючки, с трудом преодолел ограждение и, сняв крючок лестницы с проволоки, спрыгнул вниз с пятиметровой высоты.

6. Китайская ваза

Июньская жара уже спала, и в парке над рекой появились гуляющие. У обрывистого берега лениво плескалась серо-зеленая вода, блестел на солнце песок пляжа. За рекой темнели мглистые синие горы.

В ажурной беседке, в тени берез, над самым обрывом, сидели мужчина и девушка лет двадцати на вид. Она была в розовом платье, с чайной розой на груди, черный шелк ее волос перетягивала карминовая бархотка.

– Знаешь, Вадим, – глубоким грудным голосом серьезно проговорила она, – мне все не верится.

Человек, которого звали Вадимом, был в легкой рубашке и синем галстуке. На его холеном лице то и дело проглядывало беспокойство. Он недовольно ответил:

– Говорю, бросил!

– Совсем-совсем бросил?

– Почему совсем? – удивился Нежин. – Ну... раз в десять дней выпью бокал и все. Да хватит об этом, Оля! – вдруг с прорвавшимся раздражением проговорил он и, стараясь придать своему голосу ласку, переменял тему: – Взгляни лучше на горы вдаль, и тебе не захочется говорить о вине. Смотрю я на них, и они для меня то лиловый динозавр, который вот-вот зашевелится и сползет в реку, то вздымающаяся из земли корона подземного бога...

– Река наша – красавица. – И Ольга внимательно и грустно взглянула на Вадима.

– Как и ты.

– Вадим!.. – смутилась Ольга.

– Уж сколько дней я все думаю об одном.

– О чем?

– О воле. «Воля – хребет характера», – учили мы в психологии. До чего верно! Есть воля – всего достигаешь. Нет воли – толка не будет. – Все есть у меня, – помолчав, продолжал он, – запоминаю легко, выучиваю быстро, силу в себе чувствую, честолюбие есть. А воли, кажется, мало. Я словно железо – ковкий, мягкий, тягучий. А вот пусти в меня хром или ванадий – и сразу сталь. Вот этого мне и не хватает.

– Ты сегодня говоришь, будто каешься.

– Правду говорю, Оля!

– Раз ты уж бросил вино, вот тебе и воля.

– И кажется мне, – нахмурился Вадим, – в один день все у меня сорвется...

Над убаюканной жарой водой промчалась стайка ласточек.

– Смотри! – обрадовалась Ольга. – Ласточки! Смотри, как они ловят мошек! Вот летит прямо, падает. Вспорхнула, трепещет на месте! Ласточки, ласточки сизокрылые, как я вас люблю!

– Я тоже люблю, – Вадим мягко улыбнулся.

– Ласточек?

– Тебя люблю, моя ласточка! – охваченный внезапным порывом, быстро заговорил он. – Только тебя, девонька моя сероглазая, только тебя лишь одну! Работаю – ты у меня одна на душе. На скрипке играю – для тебя одной звуки лью, – и он сжал ее полную белую руку выше локтя.

– Вадим! – отодвинулась Ольга. – Люди кругом!

– Пусть, пусть. Хоть весь свет, – потянулся к ней Нежин. – Всем скажу, всем крикну – люблю Зарину Ольгу! Люблю во весь охват души, во всю силу!

Вадим порывисто обнял ее за плечи. От резкого движения коробка, которую он держал на коленях, упала.

– Вадим, – испугалась Ольга. – Смотри, уронил!

– Да, да... – растерянно бормотал он, – разбилась, верно, – но, подняв большую коричневую коробку, Нежин облегченно воскликнул: – Цела! – Повернувшись затем к Ольге, он сказал: – Помнишь, за мной был подарок? Вот он! Прими, пожалуйста.

Неуверенно взяв коробку, она лукаво спросила:

– Сейчас открыть или потом?

– Сейчас.

Положив на скамейку сумку, Ольга раскрыла коробку и развернула хрустящую полупрозрачную бумагу. В руках ее оказалась изящная ваза в форме бокала.

– Какая прелесть! – восхитилась Ольга. – Голубая-голубая! Как небо. И хризантемы! Да это китайский фарфор! Зачем такую дорогую вещь?

– Оля, я ждал дня, когда смогу подарить ее тебе. Пожалуйста, прими и скажи мне только одно слово.

– Какое слово?

– «Да».

– Я совсем забыла сказать «спасибо». Спасибо, – спохватилась Ольга. Помолчав немного, она несмело спросила: – А ты мне правду сказал?

– Конечно правду! Разве ты не догадывалась раньше, что я тебя люблю? Разве не знала, что признаюсь? Оля, Оленька, – голос у него изменился.

– Что, Вадик?

– Оля, моя милая, ты всегда со мной. И в мыслях, и в снах, и наяву, и в музыке, и в отдыхе. Хочу всегда быть вместе с тобой. Будь моей женой.

– Глупышка ты, – пошутила Ольга. – Объясниться – объяснился, а люблю ли я тебя, и не спросил.

– Всю жизнь будем вместе, – не слушал ее Вадим, – до последнего вздоха, до самой смерти.

– Сейчас не проси, Вадик, потом, потом, – шептала Ольга. В ней боролись два чувства – любовь к Вадиму и желание проверить, насколько он тверд в своем слове.

– Оленька, прошу тебя, скажи – «да», и ты будешь моей волей, ты, как ванадий, превратишь меня в сталь. Оленька, без тебя...

– Что «без тебя?» – встревожилась Ольга. Ей вдруг показалось, будто что-то черное и смертельно опасное крадется к ее Вадиму. – Что «без меня?» – не отступала Ольга. – Говори, говори скорей! – теребила она осекшегося Нежина. Волнение ее становилось все сильнее. – Что случилось, Вадим? Ты странный сегодня. Непременно скажи, ну!

Женская интуиция говорила Ольге, что перед ней какая-то тайна, которую Вадим не может ей раскрыть. Ольга пыталась заглянуть ему в глаза, но Нежин избегал ее взгляда.

7. Синцов в подземелье

Синцов, грудастый человек большой физической силы, был на редкость молчалив. По жизни он шел прямой, но нелегкой дорогой, которая привела его на должность старшего вахтера Главурана с ответственностью за охрану здания и территории главка. Он знал, как велики тайны Серого замка. Уже шесть лет Синцов пунктуально и инициативно выполнял свои обязанности. Все свободные минуты он сидел за книгами, изучал пособия по криминалистике, знал технику шпионажа иностранных разведок.

Несмотря на замкнутость и грубые черты лица, Синцов был поэтом в душе и любил давать романтические названия всему, с чем имел дело. Так, своих подчиненных он величал «стальной когортой», сотрудников главка – «ревнителями тайн».

13 июля, по тревоге поднятый с постели в 3 часа ночи, Синцов был жестоко выбит из привычной ему колеи. То, что произошло в здании, которое он берег, как колыбель своего единственного сына, буквально ошеломило его. Час назад Фролов, дежуривший на первых трех этажах, стал беспокоиться: Шутов, охранявший верхние этажи, уже с полуночи не подходил к лифту, где перекликались обходчики. Когда Шутов не появился и в половине третьего, Фролов сообщил о случившемся вахтерам главного входа. Поднявшись с ними на пятый этаж, Фролов увидел обходчика лежащим в коридоре.

События, которые последовали затем – осмотр Шутова врачом, приезд розыскной группы с собакой, рассказ Шутова о нападении на него человека в маскировочном платке, печать, срезанная с двери кабинета № 16, приезд Ганина и Скопина, а также полное отсутствие каких-либо следов проникновения врага в Главуран – не укладывались в сознании Синцова. Особенно угнетало его то, что ни он, ни восемь человек его ночной смены не выполнили своего долга.

И только к пяти часам утра, когда Скопин и розыскная группа уехали, а майор Ганин отправился к себе в кабинет на первом этаже, Синцов немного пришел в себя. Он решил обследовать здание, чтобы найти возможные пути, по которым прошел враг. Теряясь в догадках, Синцов неизменно приходил к выводу, что без помощи изнутри невидимка не мог бы миновать охрану. Мысль об измене, быть может, его же людей все глубже бурила его сознание.

В шестом часу утра Синцов обходил Серый замок внутри «крепостной стены», как он называл сложенный в четыре кирпича забор Главурана. Солнце лило холодный еще, розовый свет. Поеживаясь от утренней свежести, Синцов шел вдоль огромного забора, похожего на гигантскую ленту из серого наждака. Предъявив затем пропуск вахтеру у узких бронированных ворот, он вышел на улицу, где начал вторую часть своего осмотра. Мощный пятиметровый забор был опутан туго затянутой колючей проволокой. По обе его стороны уже долгие годы строго по графику днем и ночью ходили часовые. Синцов мучительно и напряженно думал: «Каким путам мог неизвестный пробраться через такую стену?»

Вернувшись во двор, Синцов с не меньшей методичностью еще раз осмотрел стену. Между нею и зданием главка было расстояние около 20 метров, мощенное черным базальтом. Меж камней пробивалась трава. Внимание Синцова привлекли пожарные бочки с песком, стоявшие в углах забора. «Тут можно спрятаться», – подумал он и решил перенести бочки на другое место.

Оставалась третья, самая секретная часть его обследования. Синцов вошел в дом, по залитому спящим светом коридору подошел к двери, на которой чернела надпись

АППАРАТНАЯ,

и открыл тугой замок. На него пахло машинным маслом и краской. Заперев за собой дверь, Синцов оказался в большой комнате с двумя окнами матового стекла. Обойдя столы

с моторами и аппаратами, он подошел к овальной мраморной доске между окон, на которой находились три круглые белые коробки.

Достав тяжелый ключ, Синцов вставил его в центральную коробку и включил скрытый мотор. И тотчас же в углу стала медленно уходить вниз часть пола, образуя квадратное отверстие. Спустившись по вертикальной железной лестнице в тайник, Синцов передвинул рычаг и зажег свет во всех подземных коридорах. Поворотом другого рычага он поднял платформу, и потайной ход оказался закрытым.

Инженер, строивший Серый замок, предусмотрел все до мелочей. Чтобы устранить возможность подкопа, под зданием были вырыты подземные рвы, облицованные камнем. При подкопе враг непременно наткнулся бы на внешний коридор. Попыткам подвести под него траншею помешал бы меньший, внутренний ров, который шел на несколько метров ниже. В схеме подземные коридоры имели вид двух стоящих одна над другой квадратных рам, соединенных между собой перемычкой.

В это подземелье, которое Синцов поэтически окрестил «каньоном тайн», могли входить только Ганин да он – Синцов. Старший вахтер бывал здесь аккуратно два раза в неделю.

Еще десяток шагов по узкому коридору, и вахтер вошел в ров. Здесь царил прохлада. Сырость першила горло, глухое эхо усиливало звуки шагов. Много раз приходил Синцов под эти трехметровые своды, но лишь сегодня его почему-то охватило жуткое и неприятное чувство. «Вот где тебя убьют, и никто знать не будет», – думал он.

Не полагаясь на свет ламп, Синцов включил фонарь и с неторопливой тщательностью начал осматривать стены. На влажных камнях не было никаких следов взрыва, выемки или подкопа. Но тревожное предчувствие не оставляло Синцова. Когда он сбежал по крутым ступеням в нижний охранный ров, ему показалось, что вся многометровая толща земли и камня давит на него; все ощущения были необычайно острыми и отчетливыми. Синцов стоял в тесной вертикальной щели среди грубо отесанных влажных камней, сложенных на цементе. Внутренний ров был более узким, и здоровяк-вахтер задевал плечами за его мокрые стены. Предположение, что скоро он, быть может, встретит загадочного преступника, все укреплялось, и Синцов с особой внимательностью осмотрелся.

Но все было цело.

Сырым, желтоватым блеском отсвечивал потолок. С боков надвигались темные гнетущие стены. Первую сторону квадратного рва Синцов прошел благополучно. Однако бессонная ночь, ожидание неизвестной опасности делали для Синцова эхо его шагов нестерпимо громким и, поддавшись внутреннему голосу, он снял тяжелые ботинки. Сделав несколько шагов, он круто повернулся и, быстро добежав до угла позади себя, осторожно выглянул – не крадутся ли за ним с противоположного конца рва?

Но в длинной сырой теснине было тихо.

Синцов уже решил, что подземное ущелье чрезмерно расшевелило его нервы, как вдруг то, что он совершенно явственно услышал, заставило его побледнеть и схватиться за пистолет.

8. Поединок

Его напряженный слух уловил негромкий повторяющийся стук. Он возникал где-то совсем рядом. Было похоже, будто дятел, пробравшись в подземную щель, крепким клювом долбил камень.

– Д-д-д! Д-д-д! – шли строенные ритмичные стуки. – Д-д-д! Д-д-д!

Несомненно, во рву был человек. «Возможно, майор Ганин проверяет стены», – догадкой мелькнуло у Синцова, но он сейчас же отбросил эту мысль: уходя в аппаратную, Синцов видел сквозь полуоткрытую дверь кабинета спину Ганина, склоненного над пачкой бумаг.

Выхватив пистолет, вахтер медленно выглянул из-за угла. Перед ним в свете электрических ламп уходила вдаль узкая каменная щель.

– Д-д-д! – повторился стук совсем близко, и на противоположном конце рва вдруг показался человек в черном. – Д-д... – стал было стучать он в стену, но, заметив Синцова, мгновенно исчез за углом.

Сердце старшего вахтера бешено колотилось, голова работала лихорадочно и напряженно. Единственный ход в подземелье идет через аппаратную. Этот ход известен только ему, Синцову, да майору Галину. Значит, перед ним враг, забравшийся сюда через траншею-подкоп! «Поймать его, и поймать только живым!» – решил Синцов и громко закричал:

– Эй, кто там? Выходи!

Выждав, пока замерло вибрирующее эхо, вахтер выглянул вновь. Противник наблюдал за ним, из-за угла виднелось его лицо.

– Выходи! – еще громче крикнул Синцов.

Вдруг своды подземного рва потряс оглушительный выстрел, и послышался звон стекла. Враг оказался хорошим стрелком и пулей разбил ближайшую к нему лампу. Порожденные эхом десятки новых выстрелов слились в оглушительную очередь. Синцов растерялся на секунду, не зная, стреляет ли его враг из автомата, или же это причуды акустики подземелья.

Однако старший вахтер не послал ответной пули. «Броситься на него? – спрашивал он себя. – Это безрассудно. Противник стреляет без промаха, и в узкой щели любая пуля угодит в цель».

Оставалось одно решение: бежать к Ганину – и вдвоем обратно! Чтобы уйти, враг бросится в прорытую им траншею, где и будет настигнут!

Выработав план действий, Синцов во всю ширину груди выглянул из своего убежища. Его острый глаз снова увидел вдали край плеча и часть закрытого чем-то лица.

Выстрелив в незнакомца, вахтер второй пулей разбил оставшуюся в пролете лампу и бросился к выходу, неловко ступая в темноте и ударяясь о стены.

Ощупью найдя выход, Синцов выбрался в коридор-перемычку, добежал до внешнего рва и, поднявшись по тоннелю вверх, достиг аппаратной.

Ганин все еще обдумывал, кого из спецгруппы можно заподозрить в помощи врагу, когда к нему в кабинет без стука ворвался тяжело дышавший старший вахтер. Волосы его были растрепаны, лицо бледно, ноги без ботинок, рубаха расстегнута.

– Скорее! Скорее! – еле переводя дух, кричал взволнованный Синцов. – Внизу враг!

В одну секунду выхватив из стола оружие, Ганин вскочил и, бросив бумаги на столе, кинулся за ним, едва успев захлопнуть дверь кабинета.

– Ваши пропуски! – крикнул им вслед обходчик, но Синцов и Ганин вбежали в аппаратную, забыв о нарушении табеля по охране здания.

Оба что есть силы устремились по узким подземным коридорам.

Когда они пробежали внешним рвом, Синцов крикнул майору:

– Снимите туфли! Сильное эхо!

Ганин мгновенно сбросил обувь, и через несколько секунд оба оказались у входа во внутренний каньон.

– Стреляйте вправо! Я влево! – приказал Ганин и закричал:

– Выходи! Кто там!

Оба послали по две пули в пустую теснину. Подземная щель, как мощный динамик, усилила выстрелы и швырнула их ужасающим грохотом в тесное пространство. Но неизвестный не выдал своего присутствия.

Вахтер и майор кинулись в разные стороны по влажному и неровному полу каньона. Слышалось учащенное дыхание и мягкий шум шагов. Синцов достиг своего угла раньше майора, и с противоположной стороны уже неся его умноженный эхом крик:

– Выходи! Кто там!

Затем прогремел выстрел.

Ганин также закричал и выстрелил. Но противник, зажатый в последней части рва, или решил не сдаваться, или уже скрылся в прорытой им траншее.

Майор и вахтер добежали до следующих углов почти в одно время.

В узком коридоре из камня и цемента не было ни души! Держа пистолеты наготове, Синцов и Ганин бросились навстречу друг другу, сошлись, но человек в черном бесследно исчез!

В третий раз за сутки Синцов выдерживал такой удар.

Майор и старший вахтер скрупулезно, шаг за шагом обследовали наружные и внутренние стены каньона, пол, потолок, осветили фонарем каждый камень. Но ни одна царапина, ни единый обломок промазки не говорили, что ров где-либо поврежден.

– Товарищ майор, – отвечая на недоверчивый взгляд Ганина, сконфуженно оправдывался Синцов, – честное слово, я видел человека. Вот эту лампу он разбил, – вахтер осветил фонарем блестящие осколки стекла, – а эту я.

– Сюда надо собак, – решительно проговорил Ганин. – И немедленно! Только собака разберется в этой чертовщине.

9. Телеобъектив

В то время как в Главуране и на Ростовской шли поиски невидимого врага, старый одинокий вдовец Козлов безмятежно жил по строго заведенному распорядку, которого не менял вот уже более полувека.

Козлов занимал квартиру № 118 в доме напротив Главурана. Жил он на пенсию, избегал людей. Единственным его развлечением были газеты, единственной страстью – коллекционирование древних священных книг. Каждое воскресенье он выискивал, не продается ли где древнее Евангелие, Библия, Псалтырь, Триодь Постная или Четьи-Минеи. Его сутулую фигуру, седые киргизские усы и неизменный вопрос: «Нет ли, братцы, книги доброй?» – знали все букинисты и завсегдатаи базаров.

И зимой и летом старик вставал ровно в семь, делал гимнастику и выпивал натошак стакан кипяченой воды, веря, что это то средство, которое сохраняет ему отменный желудок. Затем Козлов до боли массировал тело жесткой сухой щеткой, отчего ему становилось жарко, а кожа покрывалась красными пятнами. К окончанию «автомассажа», как сам Козлов называл эту операцию, вскипал чай, и старик варил три яйца всмятку. Его многолетним утренним рационом были две чашки кипятка, четыре ломтя поджаренного хлеба с маслом и яйца, которые он съедал с мелко нарезанным сырым луком.

К восьми часам Козлов кончал неторопливый прием пищи, прочитывал свежую «Правду» и «Советский Ясногорск» и садился за письменный стол писать воспоминания бухгалтера. Издать такую книгу было давнишней честолюбивой мечтой пенсионера. В половине девятого он заканчивал свою литературную работу, закрывал чернильницу и аккуратно отвинчивал ножку старинного пианино. Козлов извлекал из нее длинный телеобъектив, который насаживал на старенький ФЭД. Получался мощный фотографический телескоп. Человек, снятый за несколько кварталов, выходил на карточке так, как будто стоял рядом с аппаратом.

С этой минуты движения Козлова становились четкими, а лицо приобретало выражение сосредоточенного внимания. Он снимал книги с верхней полки этажерки, стоявшей у окна, и в несколько движений укреплял на ней ФЭД. Боковые планки этажерки, прорезанные узорами, оказывались отменным штативом, с которого телеобъектив смотрел прямо на чугунный вход Главурана. Козлов ждал.

Без четверти 9 он сдвигал в сторону край шторы в той части окна, где блестело кварцевое стекло безукоризненной чистоты. Как только показывался первый служащий Главурана, Козлов преображался. Теперь он походил на хищного колонка, подкрадывающегося к добыче. С высоты шестого этажа люди казались придавленными сверху вниз, лица их невозможно было различить. Но телеобъектив видел все – мельчайшие морщины лба, торчащие из бровей волоски, форму губ и зубов. И старик, припадая глазом к визирам, ежесекундно нажимал кнопку. К девяти часам, когда иссякал поток служащих, Козлов успевал сделать до 300 снимков.

Облезлая модель ФЭДа тридцатых годов, с неказистым на вид объективом и цифрой 35 на счетчике кадров, в действительности представляла собой шедевр шпионской фототехники. Просветленный объектив, автоматический перевод пленки и автоматическая фокусная наводка, 400 снимков на одну катушку – все это было лишь незначительной частью многочисленных достоинств невзрачного аппарата.

В начале десятого Козлов прятал объектив и пленку в пианино, не спеша одевался, брал камышовую сумку и, ссутулившись, шел в магазины.

Вечером все повторялось вновь. Без четверти шесть он уже находился на своем посту и фотографировал всех, кто выходил из Главурана. Обе пленки, снятые за день, Козлов передавал неразговорчивому старику-полотеру с иностранным акцентом. Иногда, если поступал

такой приказ от неизвестного ему шефа, пенсионер оставлял пленку в ящике для писем, на дне которого имелось потайное хранилище. Указания Козлов получал в письмах, которые ему слали якобы бывшие сослуживцы, или через цифровой шифр в газетах. Новую пленку приносил тот же полотер, а иногда Козлов находил ее у себя под подушкой. Последний метод доставки всегда ввергал старика к трепет.

За свою работу он получал 3000 рублей в месяц, то в виде облигаций трехпроцентного займа, то в виде пишущей машинки, дорогих часов или золотых протезных пластинок. Чтобы не привлекать к себе внимание, Козлов жил скромно, позволяя себе лишь единственную роскошь – не торговаться при покупке старинных книг.

Соседи по дому знали Козлова как набожного старика-пенсионера, тихого и безвредного, словно дождевой червь. Знали они также, что Козлов изредка получает подарки от сыновей, от дочерей, имеет где-то на Урале свой дом.

Шеф аккуратно платил, но и придирчиво требовал точной работы. Иногда Козлова навещал широкий человек с глазами, скрытыми в густой тени надбровных дуг. Он называл себя Карамазовым, приносил деньги, вещи, изредка бросая:

– Шеф вами доволен. Дарит тысячу рублей, – и неизменно спрашивал: – Как чекисты? Не тревожат?

11 июля Козлов получил новый приказ: начиная со следующего дня бесшумно фотографировать всех, кто войдет в Главуран или выйдет из него.

Козлов знал о всемогуществе шефа, но лишь теперь убедился в его всеведении. В самом деле, в Главуране начало твориться такое, чего не было за все истекшие полгода работы: уже с двенадцати дня группами по два, по три стали появляться посетители. Козлов весь день непрерывно щелкал аппаратом.

Выйти из дому он мог лишь после захода солнца. В 8.30 вечера 12 июля, ровно через 3 часа после приезда Язина в Ясногорск, Козлов в необычное для него время отправился за обычными покупками. Ему казалось, что весь город заметил нарушение им привычек, и даже мерещились работники госбезопасности, которые следят за ним.

Надо отдать должное интуиции Козлова: сегодня за ним, действительно, следили. Человек в кепке и рабочей блузе, под которой был спрятан крошечный радиопередатчик, сообщал своим товарищам о всех передвижениях Козлова.

Лишь только пенсионер отошел на несколько кварталов от своего дома, как около двери, на которой начищенной медью горела дощечка

АНТОН ЕЛИСЕЕВИЧ КОЗЛОВ,

появились два человека, один – в косоворотке, другой – в голубой рубахе.

Этот второй быстро открыл дверь, в то время как его спутник прошел дальше по коридору. Он караулил, чтобы дать товарищу сигнал по радио, когда можно выйти, не возбуждая ничьего внимания.

Человек в голубой рубахе очутился в высокой просторной комнате. Холостяцкий запах невыбитой пыли, подгоревшего молока и нафталина ударил ему в нос. У правого окна сверкала никелем дорогая кровать, рядом поблескивало старинное пианино с резными ножками. Близ левого окна стояли тяжелая этажерка и письменный стол с множеством старинных книг.

Вошедший снял соломенную шляпу и стал изучать потолок. Это был обычный белый потолок с лепными концентрическими кругами над люстрой, висевшей на медной узорчатой трубке. Прошло около пяти минут, а он все рассматривал потолок.

– Объект в гастрономе! Объект в гастрономе! – сообщило вошедшему радио.

Хотя следовало торопиться, человек в голубой рубахе все не находил того, что искал. Достав из кармана маленький бинокль, он стал всматриваться в белую известку потолка, чуть тронутую алой краской заката. Пенсионер мог неожиданно повернуть домой, и тогда б задание

Язина осталось невыполненным. Человек все не мог найти на потолке нужной ему трещины. Зуммер в миниатюрном наушнике, надвинутом вплотную на ухо, предупредил его, что предстоит передача.

– Временно выхожу. Временно выхожу из коридора, – послышался по радио голос его спутника.

Но сейчас контрразведчик уже заметил на потолке против окон нужные ему шероховатости. Достав кусок мела и отметив места, на которых стояли ножки двух стульев, он поставил их один на другой и с ловкостью циркового акробата забрался под потолок. Балансируя одной рукой на своем шатком помосте, человек дослал из кармана крохотный белый фотоаппарат, размером меньше фасолины, с припаянной к нему иглой. Приложив его к уху и убедившись, что механизм внутри исправен, человек укрепил аппарат в щели на потолке.

Внезапный радиосигнал чуть не сбросил его с зыбкого сооружения.

– Объект на обратном пути. Объект на обратном пути. Я на этаже. Я на этаже, – предупредил его голос.

Надо было спешить. Быстро достав второй аппарат и так же прослушав его пчелиный голосок, контрразведчик прикрепил и этот потайной прибор к потолку. С этой минуты, сменяя один другого, автоматические аппараты в течение двух суток будут делать снимки всей комнаты и людей в ней.

Расставив стулья на места, отмеченные меловыми точками, человек придирчиво осмотрел свою работу сначала простым глазом, затем через бинокль.

– Объект в четырех кварталах от дома! В четырех кварталах от дома! – раздалась радиотревога. – Коридор занят. Коридор занят.

Когда человек в голубой рубахе вышел из квартиры Козлова, он был мокр и бледен. На первом этаже у лифта он встретил пенсионера, спешившего домой с ворохом мелких покупок.

10. Первый след

15 августа Пургин перечитывал личные дела работников спецгруппы, все не решаясь увеличить список из трех фамилий, составленный им по первым впечатлениям. Сегодня на совещании у Язина ему предстояло высказать свои подозрения. Ночью он почти не спал. Открытый сейф, следы пальцев на главном журнале, появление врага в спецгруппе, которой он безраздельно доверял, – все это не дало ему сомкнуть глаз.

– К вам товарищ Зарина, – послышался голос секретаря из диктофона. Взглянув на часы, Пургин увидел, что уже время обеда.

– Просите!

Ольга была бледна, нервно теребила носовой платочек.

– Я пришла, – неуверенно начала она, – я хочу вам рассказать... Вернее, – поправились она, – я хочу вашего совета.

– Пожалуйста, пожалуйста, – проговорил Пургин и, выйдя из-за стола, сел напротив Зариной.

– Аркадий Аркадьич, – собралась, наконец, она с духом, – представьте, что вы девушка...

– Ну, положим, – сдержав улыбку, ответил Пургин.

– Представьте, что вам объяснился в любви талантливый, красивый человек, которого вы любите.

– Представляю.

– И просит вас стать его женой.

– Так в чем же дело?!

– И вот скажите, Аркадий Аркадьич, человек, который вас любит по-настоящему, может вас обмануть?

В этом вопросе было столько души, столько волнения, что Пургин сразу стал серьезным.

– Человек, который вас любит, – медленно ответил он, – никогда лгать вам не станет.

Горькая складка легла между тонкими бровями девушки. Дрогнувшим голосом она произнесла:

– И я так думаю. А он солгал мне, два раза...

– Это плохо.

– Еще скажите, товарищ Пургин... Правда, родина для нас дороже всего? Выше всего?

– Правда, Ольга Павловна.

Зарина больше не робела перед начальником. Голос ее звучал твердо.

– Наша работа секретная. Я читала инструкции, подписку давала. Лекции майора о бдительности помню. Все, что я сейчас скажу, может быть ошибкой, даже поклепом, а может быть и правдой. Я заметила некоторые странности за работником нашей группы. Фамилия его – вы верно уже догадались – Нежин. Да, Нежин! – с горькой решимостью повторила она. – Первый случай... – Тут Зарина на секунду остановилась. – Вы помните, он недавно опоздал на работу?

– Да.

– Он сказал, что опоздал из-за выпивки. Но это неправда! Накануне его не было дома. Я дружна с его сестрой Валей. Она мне сказала: «Мы думали, Вадим где-то в ресторане, а он вернулся совершенно трезвым и утром ушел вовремя. Думали, на работу. Но он воротился около одиннадцати, глотнул немного вина и уже тогда пошел на Пушкинскую». Где он был? Зачем обманул?

– Странно, – согласился Пургин.

– Второй случай. Он подарил мне как-то фарфоровую вазу. Прекрасную китайскую вазу. Сказал: «Недорого – всего 300 рублей». А я была как-то в ювелирторге и случайно узнала, что

ваза стоит тысячу шестьсот. Еще обман. И зачем? И откуда у него столько денег? Ведь у него мать и сестра.

– Интересно!

– И еще одна вещь, которую я уж совсем не могу понять. – Тут Зарина запнулась. – Я это не буду рассказывать сама, лучше позовите Каткова. Он мне как комсorghу сообщил.

Ольга порывисто поднялась.

– Ольга Павловна, – задержал ее Пургин, – Вы поступили правильно. Свою группу надо оберегать. Если же человек лжет, к нему надо присматриваться.

После ухода Зариной Пургин задумался. Совершенно очевидно, что враг не мог действовать без помощи изнутри, и, конечно, вся спецгруппа, так же как и спецчасть, была теперь на подозрении. Поэтому Пургин, взяв блокнот, немедленно на свежую память записал слова Зариной.

До совещания у Язина оставалось еще 40 минут, и Пургин вызвал Каткова прямо из столовой. Катков, крепкий голубоглазый человек с открытым лицом, рассказал следующее:

– Я вот сперва был у Ольги Павловны, хотя вначале следовало бы вам доложить. Дело такое, что сам понять не могу, загадка чистой воды. Как-то в том месяце, помню, в субботу, часов в 10–11 вечера, я иду мимо «Дарьяла». Смотрю, наш Нежин и еще один товарищ, – хорошо одет, представительный, – садятся в такси.

– Уточните, пожалуйста, когда это было?

– В июне, числа 15-го. Так вот, утрами я хожу на реку купаться. И сегодня часиков в семь купаюсь себе, ныряю, плаваю. Смотрю, Нежин по берегу идет. Сел на скамейку. Думаю, Вадим решил закаляться. Но время идет, а он все сидит, не раздевается. Я уже хотел вылезти и спросить его, как вдруг подходит к нему тот самый товарищ. Усаживается рядом, и странно... знакомые, а не разговаривают.

– И что потом? – заинтересованно спросил Пургин.

– Потом? Просидели они минут десять, и все ни слова. Так и разошлись молча. Тайна чистой воды!

Новое сообщение Пургин тоже занес в блокнот. Не успел он кончить, как зазвенел внутренний телефон, и майор Ганин напомнил:

– В три совещание на Ростовской.

Слово «Ростовская», где временно расположился БОР, незаметно для Пургина вселяло в него оптимизм. К тому же ему не терпелось увидеть знаменитого контрразведчика, о котором он много слышал от Ганина. Оставалось 20 минут до совещания, и Пургин стал бегло просматривать свои записи.

11. Совещание шести

Было без пяти три, когда Пургин вошел в просторный кабинет Язина, отделанный дубом. Большой серый ковер глушил шаги, растворял шум от вращающихся под потолком лопастей фэна. На высоких окнах висели гардины зеленого плюша. Прямо против двери стоял широкий письменный стол, к нему был приставлен второй, с каждой стороны которого находилось по три стула.

Из присутствующих внимание Пургина привлек человек с утомленным лицом, на котором угадывались пронизательность и сосредоточенная мысль. «Язин», – догадался Пургин. Перед контрразведчиком лежала черная кожаная папка, на которой он держал сложенные вместе большие руки.

Поздоровавшись, Пургин сел рядом с Ганиным. Напротив оказался капитан Скопин, рядом с капитаном – загорелый бритый наголо человек с широкой грудью и могучими плечами.

– Познакомьтесь, – обратился к нему Ганин. – Пургин, начальник Главурана, лицо пострадавшее, так сказать. – Полковник Березов, охрана нашего города.

На мгновение внимательный взгляд скользнул по лицу Пургина. Несмотря на большую физическую силу, Березов пожал его руку бережно и деликатно.

Вошел начальник Управления госбезопасности генерал Долгов, также богатырской комплекции, в штатском костюме.

– Здравствуйтесь, товарищи! – приветливо поздоровался он и обошел собравшихся, пожав каждому руку.

«Ростом – как на подбор», – подумал Пургин.

Часы пробили три раза. Выждав несколько секунд, Долгов начал:

– Сегодня, товарищи, мы проведем небольшое совещание по делу 12 июля, которое отныне будем условно называть «делом Серого замка».

В кабинете чувствовалось волнение. Скопин украдкой изучал манеру Язина держаться. Ганин также нет-нет да и поглядывал в сторону контрразведчика. Даже полковник Березов время от времени останавливал свой быстрый взгляд на Язине.

– Доложу вкратце обстановку, – говорил генерал Долгов. – Произошло серьезное и неприятное событие. Враг проник в Главуран, открыл секретный сейф. Есть данные, что враг готовился длительное время, что в Главуране у него агент. От нас требуется быстрота, вернее, стремительность действий. – Генерал сделал небольшую паузу. – Повторяю, случай настолько серьезный, что, запросив председателя Комитета, мы получили разрешение вызвать на помощь работников БОРа во главе с полковником Язиным. Не будет преувеличением сказать, что на помощь товарищу Язину сейчас брошены все силы области. Мы собрались здесь, чтобы доложить друг другу о проделанной за эти три дня работе, об обстановке, о наших подозрениях и предположениях. – Генерал посмотрел на Скопина. – Будьте добры, товарищ капитан.

Скопин весь залился краской. Влажными руками он извлек из кармана коричневую записную книжку и, изредка заглядывая в нее, заговорил чуть хриплым от волнения голосом:

– Проникновение в сейф произошло ночью двенадцатого. О случившемся никому в Главуране не известно. Среди сотрудников обычное спокойствие. Приняты меры, чтобы взять под наблюдение каждого, кто хотя бы отдаленно станет интересоваться происходящим. Однако за истекшие дни таких вопросов, как прямых, так и косвенных, не отмечено ни в служебной, ни в домашней обстановке.

Среди вахтеров тревожное настроение. Случай с газированием обходчика Шутова воспринят болезненно. Высказывания охранного штата сводятся к тому, что задета честь охраны, что не на уровне техника, что в век водородных бомб здание Главурана должно охраняться по-иному.

Тут Скопин прочитал два таких высказывания, красноречиво показывавших недовольство и тревогу охранного состава.

– Для ликвидации подобных настроений и для борьбы с распространением слухов от всех двадцати человек охраны взята подписка о неразглашении случая с Шутовым.

Майор Ганин просил меня представить свои соображения – кто из сотрудников главка мог бы быть помощником врага. Я полагаю, что подозревать можно только работников спецгруппы и спецчасти: лишь они знают о существовании главного журнала, – Скопин чуть кашлянул, чтобы подавить все не проходивший предательский хрип в горле, и посмотрел на Язину.

Контрразведчик слушал не шелохнувшись. Лицо его с высоким ясным лбом и четко очерченным подбородком было неподвижно. Руки все так же лежали на черной папке.

– В штате спецчасти, или Пятой части, как мы ее называем, – два человека. Это – сам Ильин, который, полагаю, вне подозрений, и инспектор Орлов, который скоро четыре месяца, как в Крыму, на лечение. В спецгруппе 14 человек. Одни работают более 10 лет, другие немного более года. Все это проверенные министерством люди, и то, что я буду сейчас говорить, – не подозрение, а только намек, тень подозрения.

Прежде всего из числа сомнительных лиц я исключил начальника группы Попова и его заместителя – Тупкова. Их доблесть и патриотизм в Отечественную войну общеизвестны. Вне подозрения и Герой Советского Союза Дорофеева, а также комсорг пятого этажа Зарина. Мне лично думается, что предатель не женщина, а только мужчина.

При этих словах Язин с любопытством взглянул на капитана.

– Исключил я по личным впечатлениям и Каткова. Этот тридцатилетний человек по своей психологии – ребенок. Он чист и беззаботен. Такой не изменит, не пойдет против своих.

Шестым я отбросил Вагина: нервы, робок, физически слаб. Не с его нервной системой быть внутренним соглядатаем.

Остальных восемь я разбил бы на первую, вторую и третью группы, по убывающей степени предполагаемой виновности. Об этих восьми буду говорить по их личным делам, по материалам внешнего наблюдения. Начну с третьей группы, куда я занес людей, на мой взгляд, менее всего причастных в помощи врагу. Это – Воропаев, Левартовский, Огородников.

Воропаев был в армии, в штабе, за годы работы в Главурани идеального поведения.

Левартовский – трое детей, пишет диссертацию, педант. Нет в его характере таких черт, чтобы стать врагом.

Огородников – тяготеет работой в Главурани, уже полгода просит увольнения, хочет писать книгу. Круг его интересов – общественная работа, ученье на инфаке пединститута. Такие, полагаю, не пойдут на шпионаж.

Перелистнув страницу, Скопин продолжал:

– Теперь вторая группа. Здесь люди, которых можно несколько заподозрить, если это слово вообще уместно по отношению к работникам спецгруппы. Это Чернов и Федоров. Чернов – медленный и страшный огонь, человек исключительной силы воли. Думаю, чувствую, что душою этого человека правит один ледяной расчет. Для достижения своих целей он может пойти на многое.

Теперь Федоров. Есть в нем что-то неприятное, и это предубеждает против него. Правда, он, как и Чернов, был на фронте, но скуп, копит деньги, на книжке у него 7932 рубля, собранных регулярными взносами, без заметных скачков. В нарушение правил Федоров охотно берется за приработок, хотя в том нужды нет, судя по той же сберкнижке. Часто ездит на мотоцикле за город. Характер у Федорова железный, но, быть может, его смогут повернуть деньгами. Повторяю, против Федорова у меня сильное предубеждение.

Заглянув опять в свои записи, Скопин стал заканчивать:

– Теперь о людях, среди которых, как мне кажется, мог бы находиться предатель. Это три человека – Алехин, Головнин, Нежин.

– Почему Головнин? – задал себе вопрос капитан. – Потому, что он две жизни ведет. Одну – в Главурани, другую – дома, где прячет от людей лабораторию.

– Какую? – спросил Язин.

– Химия и фотография. В Бразилии у Головнина произошел нехороший случай с женщиной. Сейчас он влюблен в Зарину.

Следующий Алехин. Тоже скуп, мечтает о каменном доме. Неприветлив и себе на уме. Как-то выписку из секретного документа сделал. Такой, гляди, может и продать.

Наконец, Нежин. Не место ему в Главурани. Воли нет, частит по ресторанам. Пьет порой. Полагаю, Нежин в чем-то нечист. В ночь проникновения врага в сейф он не ночевал дома. Последний месяц у него появились деньги.

На этом, товарищи, я кончаю мой доклад, – и, спрятав книжку, Скопин незаметно для себя тоже, положил обе руки на стол.

Воцарилось молчание. Шумел фен, наполняя комнату свежестью, шевеля волосы людей. Молчание нарушил генерал Долгов:

– Сообщение товарища Скопина принимаем к сведению. Теперь, товарищ майор, ваша очередь. Расскажите, пожалуйста, обстановку в Главурани, ваши подозрения и предположения.

Ганин подтянулся, потер рукой подбородок и достал карточку с записями.

12. Доклад Ганина

– Я, товарищи, буду говорить о трех вещах, – начал Ганин. – Это – нападение на обходчика Шутова, случай во рвах подземной охраны и мои подозрения.

Ганин говорил медленно, выбирая слова.

– Остановлюсь на газировании Шутова. Скажу прямо, случай беспрецедентный! При полной наружной и внутренней охране «Невидимка», позвольте пока так его называть, проникает в управление и, прямо-таки, хозяйничает там. Мы приводим собак – и полнейший ноль.

– Разрешите вопрос, – перебил его генерал Долгов. – Какого вы мнения о Шутове? Это безусловно преданный человек?

– Безусловно, товарищ генерал. Служит с основания главка.

– У меня два вопроса, – обратился Язин. – Не могли ли «Невидимку» забросить в зону большим чемоданом или ящиком?

– Зона Главурана отделена от хозяйственной части. Отопление, электростанция, склады – все отдельно. Большие ящики, чемоданы, футляры, если они поступают к нам, регистрируются, их содержимое проходит проверку.

– Не мог ли человек проникнуть в Главуран по воздуху? Скажем, по канату от крыши соседнего дома до крыши главка?

– Нет, нет! – живо возразил Ганин. – Практически это невозможно, хотя теоретически мысль и верна.

– И один вопрос к вам, товарищ генерал, – обратился Язин к начальнику управления милиции. – Что дало обследование Главурана вашими людьми?

Березов, очевидно, чувствуя неловкость, ответил:

– Мы не нашли даже следов. Будто человек возник в самом здании. К тому же проникший смазал подошвы анольфом – средством против собачьего обоняния.

Наклоном головы Язин поблагодарил комиссара и майора.

Рассказав о происшествии во рвах, Ганин предположил:

– Возможно, во рвы ведет потайной ход, но найти его мы не смогли, хотя проверили каждый камень, каждую промазку. Нам пришлось также нарушить тайну охраны и ввести в ров работника с ищейкой.

Тут Ганин посмотрел на полковника Березова.

– Получилось то же самое, – объяснил Березов. – Опять анольф, и вторая собака выбыла из строя.

Язин сделал едва заметное движение плечами, словно услышал интересную вещь. Он спросил:

– Товарищ майор, есть ли у вас план этих рвов?

– Нет. Наконец, относительно кадров. Говорю прямо, у меня уверенность даже, что в управлении враг. Не изучив расположения кабинета Ильина, туда не пробраться ни с какой техникой. И верно, что только спецчасть да спецгруппа знают о существовании главного журнала. Поэтому остановлюсь на 14 работниках группы. Ее людей я разделяю на две половины: на таких, кто умрет, но не пойдет против своих, и таких, кто, быть может... продаст.

Для майора это была самая тяжелая часть доклада. Он хорошо знал сотрудников, проверенных долгой работой, и отнести к ним хотя бы слабое подозрение было нестерпимо больно.

Перечислив надежных людей, мнения о которых у майора и Скопина совпадали, Ганин продолжал:

– Вот капитан подозревает Федорова. Я же – нет. Неприятный человек – это верно. Скуп – это да. Вот и все! А ведь фронтовик, медали у него, ордена. Не пойдет Федоров.

Алехина я тоже в счет не беру. Вчера думал о нем, сегодня думал и решил – не станет Алехин помогать врагу. Груб он, себе на уме – это верно. Что касается до выписки из документов, то об этом он нам первый сказал. Бывают такие люди, они на подлость, однако, не идут. Нет!

Итого, стало быть, остается трое. Говорю прямо, сдастся мне, что враг может быть среди них. Вот ты, капитан, – обратился он к Скопину, – говоришь: «Вероятные пособники – Алехин, Головнин, Нежин». А я полагаю: Головнин, Чернов, Нежин. И все же, товарищ, ошибаться мы со Скопиным можем, и при том здорово, ведь люди нам присланы министерством!

Относительно Нежина. Все, что сказал о нем Скопин, – поддерживаю. И ресторан, и выпивки – это за ним водится. К тому же красавица у него есть, по фамилии Симагина, зовут Антониной. Это помимо Зариной. А он и за Зариной вьется, жениться хочет. Кто за двумя женщинами волочится, легче и двум хозяевам служить будет. Мать у него не работает, сестра учится, зарплата только-только на троих. А в последний месяц денег у Нежина что-то многовато. В ресторане «Алман» по счету раз заплатил 487 рублей, вазу Зариной купил за 1600. Приработков у него нет, это проверено. Я на Нежина серьезно думаю.

О Головнине теперь. И на него подумать можно. В Бразилии он работал, приворожила его там одна танцовщица, – тут майор посмотрел на свою карточку, – Гипа Каравелло, 17 лет. Даже хотел ее с собой в Союз взять. Слаб он до женщин. Такие, бывает, и врагу поддадутся. И еще одно: 12-го враг был в Главурани, а 10-го Головнин заявление подал – просит уволить его, хочет заниматься научной работой. Факт как будто за него, а с другой стороны, возможно, он знал, что готовится впереди, и решил себя загодя выгородить.

И скажу о Чернове. Человек этот очень ловок. Стальная воля, к тому же силен и умен. Скопин хорошо подметил, что он на все может пойти. А мир наш советский ему узок. Как-то были они со Скопиным в ресторане, и во хмелю Чернов бросил, что в нашем Союзе, мол, куда ни поедешь, все-де одинаково: товары, люди, язык, магазины. Даже типы домов! Скучно, мол, это все и серо. И хочется ему в Париж, Рим, Мадрид, Бомбей, особенно же в Нью-Йорк. Плохого тут ничего нет – мир поглядеть надо. Но слово он дал, что «любой ценой» увидит эти города. «Любой ценой» – такова его психология. Но работник Чернов, скажу прямо, высокой квалификации, из управления кадров аттестация отличнейшая.

На этом Ганин закончил доклад.

– Скажите, товарищ майор, Чернов копит деньги? – спросил Язин.

– На книжке у него 19 798 рублей.

– Вы уверены, что враг в спецгруппе?

– Категорически, и, по-моему, это один из трех: Головнин, Чернов, Нежин.

– Товарищ капитан, а вы твердо стоите на своей тройке? – обратился теперь Язин к капитану.

Скопин задумался.

– Товарищ майор прав. Я снимаю Алехина и прибавляю Чернова.

Все это время, когда так безжалостно назывались фамилии лучших работников главка, нервное напряжение Пургина все возрастало. Он чувствовал себя как человек, впервые попавший на вскрытие трупа. Однако у Пургина имелись свои выводы, и он решил изложить их со всей твердостью.

– Я, товарищи, скажу кратко. У меня нет вашего опыта, но независимо от майора Ганина и капитана Скопина я пришел к выводу, что предполагаемыми врагами в спецгруппе могли бы быть три человека – Нежин, Головнин и Чернов. Особенно мне непонятен Нежин, и вот почему. – Тут Пургин слово в слово зачитал свои записи по рассказам Зариной и Каткова.

Это произвело впечатление. Язин спросил;

– Известно ли охрангруппе, где провел ночь Нежин?

– Пока нет.

Генерал Долгов выдержал длинную паузу и многозначительно произнес:

– В заключение нашего совещания выслушаем полковника Язину. Полковник прибыл с большим числом работников возглавляемого им БОРа – Бюро особых расследований. – И, повернувшись к Язину, сказал: – Прошу вас.

13. Человек с мозолью

Язин заговорил медленно и спокойно.

– Позвольте, товарищи, поделиться с вами тем, что наш коллектив собрал за истекшие дни.

Голос полковника звучал мягко. Скопин и Пургин уже без стеснения любовались его открытым и выразительным лицом, манерой держаться просто и вместе с тем значительно.

– Ущерб от кражи журнала значительно больше, чем мы можем представить себе: журнал дает ключ к смежным областям нашей атомной промышленности.

При этих словах Пургин почувствовал, будто чьи-то руки сдавили ему горло.

– Генерал Долгов сообщил мне о случившемся еще 12-го днем. В тот же день в шесть мы прибыли сюда с группой людей БОРа. Благодаря содействию УКГБ у нас все условия для поисков врага. Обстановка, вкратце, такова: в Главуране сфотографирован секретный журнал, а еще через день совершено бесцельное и ненужное на вид нападение на обходчика. Оба раза преступник проникает в главк неизвестным путем и оба раза бесследно исчезает. Предполагается, что враг или находится в Главуране, или же имеет там одного, двух, – тут Язин сделал ударение, – осведомителей. Осмотр места преступления с собакой кончился неудачей. Вполне очевидно, что наш противник вооружен новейшей техникой, и такой, с которой мы, быть может, не встречались ранее. Поэтому мы, со своей стороны, воспользовались рядом приборов, которые могут раскрыть то, что недоступно для пяти человеческих чувств. Позвольте теперь проинформировать вас о проделанной работе.

Первое. Уместен вопрос: «Было ли в действительности проникновение в сейф? Если было, то чем оно подтверждается?»

На это мы получили немедленный и точный ответ: проникновение имело место. Это подтверждается тем, что печать на сейфе снималась амастом, то есть составом, который отделяет мастику собственно печати от картона и позволяет извлекать страховой шнурок без нарушения рисунка печати. В подтверждение прочитаю свидетельство химика-эксперта, исследовавшего печать, картон и шнурок.

Язин достал лист из черной папки и прочитал:

– *«Обследована большая печать на картоне 7 на 10 сантиметров овальной формы с осями 4 на 6 сантиметров. Картон билетный, особой плотности, из тряпичной полумассы, проклеен фенол-формальдегидной смолой. Цвет печати вишнево-коричневый, консистенция вязкая, № 9, в составе воск, цезарин, канифоль, мастика и красители. Оттиск печати, в виде ветряной мельницы, нанесен ручным серебряным штампом. Стереографическая сверка металлической печати и исследуемого оттиска результатов не дала – схожесть полная, искажение 0,2 % в обычных границах. Химическая проверка печати дематолом и антикратом результатов не дала. Был применен метод Сухова с микроуловом быстроиспаряющихся частиц. Обнаружено следующее: мастиковая печать снималась с картона амастом на эфирной основе. Следы эфира в количестве 0,0079 % обнаружены в межволоконных воздушных пузырьках билетного картона...»*

Прервав чтение, Язин сказал:

– Но тут возникает вопрос: почему электрорегистратор не отметил проникновения в сейф, хотя, как известно, прибор в полной исправности? На это отвечает заключение нашего инженера-электротехника.

Язин извлек из той же папки второй лист и повернул его к свету:

– *«Исследован двухкончатый электрорегистратор КС-45, серия XI, № 518, напряжение 110 вольт, установлен в спецчасти Главурана, Ясногорск. Ход мотора ровный, скорость 700 оборотов, наружных повреждений нет, электропроводка скрытая.»*

Осмотр при обычном и ультрафиолетовом освещении подтверждает, что аппарат и проводка не нарушились. Установлено, однако, что железный кожух регистратора притягивает мелкие стальные предметы. Необычные магнитные свойства кожуха – доказательство того, что регистратор подвергся намагничиванию. Подтверждение – микроскопические вмятины вокруг прибора, предположительно, от ножек кольцевого электромагнита большой мощности, пущенного в действие, скорее всего, от цоколя настольной лампы кабинета.

Вывод: электрорегистратор отключился путем временной остановки мотора сильным электровозмущением. Установить время и длительность отключения не представляется возможным.

Свидетельство микроследоскописта Лишнева касательно кольцевых вмятин от ножек электромагнита прилагается...»

Язин убрал документ в папку и продолжал:

– Второе. Если разведчик открывает сейф в спецчасти секретного учреждения и не похищает главного журнала, то, естественно, он его фотографирует. Поэтому мы интересовались – был ли сфотографирован главный журнал?

Микроанализ воздуха в кабинете товарища Ильина, произведенный вечером 12 июля, показал, что воздух близ сейфа насыщен частицами магния, кальция, бертолетовой соли. Этих частиц особенно много на правом углу письменного стола.

Не буду читать заключения: это слишком долго, но эксперт установил, что фотографирование шло на столе при сильном освещении составом, из которого изготавливаются авиаосветительные бомбы.

Третье. Что же в журнале было сфотографировано? В этой папке, – Язин приподнял кожаную папку перед собой, – лежит экспертиза, которая говорит, что враг сфотографировал каждую исписанную страницу, а также и обложку.

Четвертое. Мы интересовались временем проникновения врага в сейф. Измерение скорости восстановления вмятин картона на обложке журнала, скорости испарения каучуковой влаги на страницах журнала, скорости высыхания амаста на картоне и, наконец, вычисление коэффициента диффузии магниево-кальциевых газов в воздухе говорят, что преступник находился в кабинете между часом и четырьмя ночи.

Пятое. Каким путем неизвестный проник в кабинет Ильина? Через двери, окно или через иной ход? Это вопрос исключительной важности. Версия с потайным ходом как будто отпадает: кабинет бронирован сталью. Изучение оконных решеток показало, что решетки не снимались уже много лет, краска на креплениях не нарушена, не обнаружено каких-либо следов взлома и на стальных прутьях решетки, не считая следов прикосновения уборочной метлой.

Отсюда следует вывод, что шпион, быть может, пользовался дверью. Разумеется, это черновое предположение. Скрытый рубильник в двери Ильина открывается ключом особой конструкции, который товарищ Ильин всегда носит с собой. Если враг проник этим путем, он должен быть информирован и о ключе, и о местонахождении рубильника. Здесь можно видеть лишнее доказательство того, что в Главуране у шпиона есть сообщник.

Теперь, товарищ Пургин, – обратился Язин к управляющему, – позвольте один вопрос. Кто из сотрудников Главурана знает о существовании рубильника и о способе открывания двери в спецчасть?

Пургин задумался, обхватив левой рукой подбородок.

– О том, как открыть дверь снаружи, – наконец, заговорил он, – знает мой секретарь Ипатов. Но он и не подозревает о существовании главного журнала. Конечно, знает Ильин, затем Нежин, Головнин. Еще... – тут Пургин опять задумался, – Левартовский, Чернов. Ну, Попов, разумеется.

– И никого больше?

– Никого.

– Шестое. Очень важно знать, как враг проник в здание и как поднялся на пятый этаж. Даже войдя в здание, почти невозможно попасть наверх. Путь на территорию главка через забор как будто исключается, хотя и не является невероятным. Проникновение через ворота отпадает безусловно. Остается потайной ход под забором или иной путь, пока нам неизвестный. Кстати, товарищ майор, какая организация строила здание Главурана и кто главный инженер-строитель?

– Не знаю, – смущенно ответил Ганин, – мы этим не занимались.

– Итак, – стал опять литься голос Язина, – пока это все. Вопрос, каким образом враг проник в здание, временно оставляем на той же ступени неопределенности.

– Не мог ли человек пробраться в маскировочной одежде или лучеотражательном костюме? – спросил полковник Березов. – Такая одежда открывает большие возможности.

– Вполне возможно, – согласился Язин. – Мы думали и об этом. Однако на каменном заборе мы не нашли каких-либо следов. Осмотр, правда, шел после дождя.

Наконец, седьмое. Всех нас, разумеется, всего более интересует личность врага.

Признаюсь, мы пока не знаем его, но кое-что сказать о нем сможем. Ультрадактилоскопическое изучение журнала говорит нам о трех вещах:

А. Преступник был в резиновых перчатках из натурального каучука – «парагумми», который получают из каучукового дерева *Hevea brasiliensis*. Наша промышленность не выпускает изделий из «парагумми». Отсюда вывод: перчатки у преступника из-за границы.

Б. Измерение глубины пальцевых вмятин на бумаге подтверждает, что проникший, фотографируя листы журнала, едва касался бумаги, порой же перелистывал их иглой. Отсюда два вывода: преступник был совершенно спокоен, пальцы его не дрожали, что неизбежно привело бы к вмятинам, которые наши приборы немедленно зарегистрировали бы. Значит, работал профессионал, не впервые открывавший сейф. Второй вывод – предатель, сидящий в Главуране, всего лишь наводчик.

В. Удалось установить также более или менее точный диаметр пальцев преступника. На отдельных страницах, особенно на верхней обложке, ткань которой, к счастью, медленно принимает прежний вид, – вмятины заметны сильнее. Измерение их, по методу Пучкова, говорит, что у шпиона толстые, массивные пальцы, может быть, с мозолью на левом указательном пальце. Отсюда возможен вывод – пробравшись в Ясногорск, разведчик-враг скрывается под маской рабочего, или, во всяком случае, человека, труд которого наводит на пальцы рук мозоли. Местонахождение мозоли, листание левой рукой, места прикосновения иглой к страницам – все это указывает, что шпион – левша.

И как общее заключение, скажу, что враг проник в Главуран один. Дактилоскопическим и следоскопическим способами не обнаружено где-либо следов человека, не считая оттисков на журнале. Работа в одиночку – это практика международных разведчиков из соображения легкости проникновения, исчезновения и маскировки.

Итак, перед нами иностранец, который, разумеется, владеет русским языком, человек большого ума, железных нервов, значительной физической силы, высоких технических познаний, с неограниченным запасом советских денег и, несомненно, военный. Он имеет наводчика или наводчиков, работающих в Главуране, а точнее – в спецгруппе или спецчасти. Есть некоторые основания полагать, что шпионская кличка главного из них – Синий Тарантул. Напомню: «тарантул» – это ядовитый паук, опасный для человека.

Вот пока все, что я могу вам сообщить. На этом позвольте закончить. – И Язин, закрыв черную папку, вновь положил на нее руки.

Вопросов ни у кого не было, и, взглянув на часы, генерал Долгов сказал:

– Товарищи, истек тот час, который мы могли отдать совещанию. Будем помнить, что наиболее трудная часть наших срочных, я это подчеркиваю, поисков – впереди. Через десять-

двенадцать минут вы, товарищи, будете у себя в кабинетах. К тому времени наши курьеры доставят вам пакеты. В них мы изложили те виды помощи, которые хотелось бы получить от каждого из вас.

14. Память Сократа

Чернов, столь единодушно заподозренный в помощи врагу, был человеком пылкой фантазии и самого холодного расчета. С детства его влекли приключения отважных людей в неведомых странах, опаленных тропическим солнцем или покрытых мертвящим льдом. Маленький Юра Чернов запоем читал Оппенгейма, Брет Гарта, Майн Рида, Жюль Верна, бредил похождениями знаменитых сыщиков – Дюпена, Ника Картера, Пинкертонна, Холмса, Франка Аллана. И уже тогда у него разгорелась мечта – попасть в Южную Америку, Египет, Индию, Африку, увидеть бриллиантовые россыпи Оранжевой реки и золотые колодцы Трансвааля. Юра дал себе слово – во что бы то ни стало побывать в этих местах, любой ценой, любыми средствами.

Рос он замкнутым и эгоистичным, держался в школе особняком и в пятнадцать лет получил кличку «Чайльд Гарольд». Мальчик готовил себя... в сыщики. Он развивал наблюдательность, подражая Кимболту Киплинга, тренировал память по системе Спельмана, приучал левую руку делать все, что умеет правая. Его мать, вечно занятая учительница математики, знала об этом и, посмеиваясь, говорила:

– Пусть себе. Лучше, чем голубей гонять.

С годами память Юры и его способность подмечать детали развились чрезвычайно. Бледный подросток с тонкими, острыми чертами лица, серией точных логических умозаключений, исходя лишь из незаметных для обычного глаза мелочей, находил у людей такое, что отец называл его Пинкертонном. В совершенном восхищении сыном он рассказывал, как Юра «разоблачил» одного его знакомого:

– «Папа, – как-то заявляет мне Юра, ему тогда пятнадцатый год шел, – Игорь Петрович, который был у нас вчера, играет на скрипке, и он левша.

– Откуда ты знаешь? – спрашиваю.

– Очень просто, папа. То, что он левша, сразу видно: спички зажигает левой, газету листает левой, по ступенькам ходит, сильнее отталкиваясь правой ногой. Так все левши делают.

– А почему он скрипач?

– А это узнать еще легче. У него под подбородком шея сильно натерта. Это оттого, что он этим местом скрипку держит. Кончики же пальцев у него в мозоликах: он пальцами струны прижимает.

– И понимаете, – восторгался Чернов-отец, снимая пенсне и мигая темно-голубыми глазами, – ведь Игорь-то и вправду скрипач! И вправду левша!»

Постепенно желание посетить страны, о которых Юра мечтал с детства, стало болезненным, граничащим с навязчивой идеей.

Вместе с тем Юра столкнулся с проблемой денег. Теперь в детективных романах его привлекали истории головокружительных обогащений, приключения неуловимых гангстеров, жаждущих золота. Все устремления его еще не сформировавшейся натуры, испорченной безразличием родителей к его интересам и чтению, направились к стяжательству. Деньги стали двигателем его будущих планов, целью жизни.

Он подсчитал, что если иметь на срочном сберегательном вкладе 120 тысяч рублей, то можно ежемесячно получать 500 рублей процентов. Уже с 15 лет Юра начал копить, не брезгая ничем для умножения своего капитала. Он откладывал деньги, которые отец и мать давали ему на кино или театр, спекулировал тетрадами, покупал дефицитные товары, сбывая их затем втридорога. Он уговорил отца выплачивать ему жалование за хорошее ученье, а втайне от отца упросил мать давать ему ежемесячно 50 рублей – «на поездку в Крым» Юра не стал комсомольцем, но ни отец, ни мать не укоряли его в этом. «Юра совсем взрослый, – говорили они. – Он знает, что делает».

Шли годы, сбережения его все возрастали. Подавляя свои юношеские желания, Юра закалял и без того сильный характер. К началу войны он скопил почти пять тысяч рублей. Но росли и планы Юрия, он мечтал уже о 1500 рублях процентов. В 17 лет он знал назубок цену билетов для проезда между городами СССР, между столицами Европы и всего мира, знал стоимость плавания на океанских лайнерах между портами 50 стран. И международная единица расчетов – доллар, с эквивалентом в 88 сотых грамма золота – все более захватывала воображение Юры Чернова. Вытянувшийся, худой, неразговорчивый юноша, неприменный участник всех воскресников и отличник ученья, был уже человеком без души. В его голове вращались только шестерни и рычаги счетной денежной машины.

В войну Чернова призвали и вскоре направили в тыловой штаб: Юрий умел молчать, и душа его оставалась неизвестной окружающим. Он продолжал спекулировать, но уже прячась за чужой спиной. После армии Чернов закончил финансово-экономический институт. Все годы внешняя сторона его жизни была безупречной. Этот сухой человек хорошо учился и работал, был активистом-общественником. И Чернова как талантливого статистика направили в министерство, где он быстро поднялся до главного управления. В 32 года его перевели в совершенно секретное учреждение – Главуран.

Студентом в декабре 1947 года Чернов пережил страшный для него удар: денежная реформа превратила его многолетние сбережения в 11 400 рублей!

Скрыв озлобление, он продолжал копить, все так же урезывая себя во всем. С бессильной завистью читал он о странах, где строят самые высокие небоскребы, где газеты выходят на десятках страниц с многокрасочными иллюстрациями, где деньги приносят почет и власть. Но лишь в редких случаях, под влиянием винных паров, которых Чернов справедливо опасался, он высказывал свои взгляды.

Рано женившись, Чернов выжил из дому жену за то, что она осуждала его мечту о богатстве. Год из года он становился все более замкнутым и необщительным. Сослуживцы объясняли это желанием уберечь тайны атомной металлургии, проходившие через его память, а также личной трагедией. Однако острый ум, сдержанность, молчаливость и быстрота, с которой Чернов овладевал самыми сложными разделами статистики, двигали его вперед. Уже через два года его работы в Главуране Пургин считал его одним из трех своих возможных заместителей.

Жил Чернов одиноко, редко выходил из дому, завтракал и ужинал у своей дальней родственницы – пожилой женщины, жившей в одном с ним доме. Вечерами Чернов обычно сидел на балконе в удобном бамбуковом кресле. По привычке тренируя свою память, он шепотом перебирал цифры, имена людей, все виденное, слышанное и замеченное им за день.

– Пургин, Аркадий Аркадьевич, – вполголоса говорил он, – среднего роста, признаки начинающейся астмы, глаза серо-голубые, брови короткие, нос прямой.

– Дневная добыча тория на Сухановском комбинате 112 граммов, – бежали с его губ цифры, в то время как рука поглаживала редкие светлые волосы. – В последний месяц добыча возросла на 19 процентов, что равно сильно увеличению мощности комбината на один катализирующий агрегат.

– Вагин все чаще работает с бериллием. Металлического бериллия в этом году добыто на фабрике имени Молотова, – тут Чернов делал паузу и начинал складывать в уме: – за январь 3 килограмма 290, февраль 4,371, итого 7,660. Март – 3,900, апрель – 3,200. Итого за 4 месяца... 14 килограммов 780.

Чувствовал Чернов себя в эти минуты легко и спокойно. Он и не подозревал, что с вечера 15 июля за ним стали наблюдать люди генерала Долгова. Этому дали повод особенности его характера и поведения.

15. Кандидат наук

10 июня, за месяц до проникновения врага в сейф Главурана, Нежин сидел в ресторане «Дарьял». Его столик находился почти около оркестра. Первая скрипка играла в этот вечер особенно вдохновенно, и Нежин, сам скрипач-любитель, слушал музыку, забыв о вине.

– Простите, пожалуйста, – раздался над ним приятный, вкрадчивый голос, и, чуть вздрогнув от неожиданности, Нежин увидел представительного мужчину в хорошо сшитом сером костюме. Интеллигентное лицо незнакомца покрывал легкий загар. В зачесанных назад редких волосах блестела седина.

– Все столики заняты... – объяснил подошедший. – Позвольте сесть к вам.

Он стоял в скромной выжидательной позе, готовый при отказе тотчас же удалиться.

– Пожалуйста, пожалуйста, – охотно согласился Нежин, которого сразу привлекли мягкость и простота незнакомца.

Бесшумно усевшись, человек позвал официантку:

– Бифштекс, яичница с крутым перцем и, – тут он прищелкнул языком, – шампанское с ананасом. – Молодой человек, – уже Нежину сказал человек в сером костюме, – жемчужница еще встречается без жемчуга, но шампанское без фруктов – никогда.

Незнакомец, очевидно, был в отличном расположении духа, улыбаясь, он доверительно сообщил:

– Сегодня, мой юный друг, у меня большой день: закончена первая половина докторской диссертации. Труд долгих утомительных лет! Да, совсем забыл! Позвольте представиться – Николай Николаевич Будин, кандидат экономических наук, по статистике.

Нежин назвал себя.

«Какое совпадение – мы оба статистики!» – подумал он.

Скоро официантка принесла ароматный бифштекс и яичницу на сковородке. Повязавшись салфеткой, Будин взял нож и вилку.

– Мой юный друг, давайте выпьем! – предложил он. – Много раз я пью это вино из Шампани, но оно всегда ново для меня. Все народы во все времена и эпохи тяготеют к вину. Возьмите аква-витэ у римлян, тодди в Африке, сакэ в Японии, шаосин у китайцев.

– Именно, именно! – согласился Нежин.

– Если не говорить о марочных винах, – жуя бифштекс, добавил Будин, – то я предпочитаю всему шампанское изящных французов.

Уже через минуту он оторвался от еды и приветливо улыбнулся:

– Давайте еще по бокалу. За мою диссертацию. За будущее звание!

После третьего бокала Будин повеселел еще больше, он говорил теперь о скрипках мастеров Амати, Страдивариуса, Гварнери, о 130 видах духов, о бриллиантах, о черном, зеленом, коричневом и фиолетовом дереве. И Нежин слушал изящную и благозвучную речь своего нового знакомого, поражаясь широте его знаний. Но вот Будин взял ломтик ананаса и капризно заявил:

– Хочу говорить только о скрипке! Хочу слушать только скрипку!

Было заметно, что им начинает овладевать хмель.

Нежин охотно поддержал его.

– Будем слушать скрипку, Николай Николаевич. Я ведь сам немного играю.

– Да?! Мой музыкальный Вадим! – радостно воскликнул Будин. – Какое совпадение! И я ведь чуточку скрипач, дошел в школе до Большого Донта. У меня дома – настоящий Гварнери. Скрипке 200 лет! Божественный звук, особенно струны «соль» и «ре». Я натягиваю итальянский аккорд, а иногда, как сам маэстро Паганини, беру виолончельные струны.

Будин молодец от вина, от вдохновения, которое вкладывал в свою речь.

Нежин смотрел в его холодные, блестящие от вина глаза, на гладкий лоб, перерезанный вертикальной складкой, и чувствовал, что новый знакомый кажется ему все более обаятельным. Незаметно летело время, и Будин, взглянув на часы, вдруг сказал тоном приказа:

– Ну, мой друг, шерами, как говорят французы, едем ко мне играть на Гварнери! Я слушаю вашу игру, вы мою. Будем играть на виолончельных струнах. Едем! Счет! – махнул он официантке.

И, нарушив инструкцию о безопасности работников Главурана, Нежин отправился к Будину.

Это была его первая ошибка.

В этот вечер Катков и видел Нежина садившимся в такси вместе с представительным Будиним.

Квартира кандидата наук на Песчаной, 40 понравилась Нежину. Палевое масло на стенах, золотистые шторы, картины в тяжелых рамах, книги – все это было красиво, скромно и дорого.

– Вот и моя обитель, – сказал Будин, проводя Нежина в кабинет.

– А моя не особенно хороша, – искренне сорвалось у Нежина.

– Пустяки, – беззаботно отозвался Будин, – квартиру всегда можно купить. Только желание да деньги. А вот настоящий Гварнери. – И он протянул темно-оранжевую скрипку удивительно красивой формы. – Оцените сами!

Взяв легкий и гулкий инструмент, Нежин начал играть. Будин, откинувшись в мягком кресле, слушал и одобрительно покачивал головой. После серенады Тозелли Нежин исполнил «Пиччикатто», а затем арию Баха, затем «Траумарей». Играл он свободно. Его легато было незаметно в переходах смычка, звук лился нежно и ласково.

– Какое анданте! Какая кантилена! – восхищался Будин. – Вам только на Гварнери и играть.

Нежин был счастлив новым знакомством. Редкая скрипка, совпадение интересов, выпитое вино, атмосфера утонченного дружелюбия, которой его окутал ученый, – все это заглушило в работнике Главурана чувство осторожности.

За поздним ужином Нежин узнал, что Николай Николаевич не только профессиональный статистик, но как и он, работает в металлургии.

– Статистика по металлам – пуп промышленности, – афористически выразился Будин. Совершенно доверившись ему, Нежин разговорился.

– Если не секрет, Николай Николаевич, какая тема вашей диссертации? – спросил он.

– По статистике, – уклонился Будин, постукивая пальцами по столу.

– Не скрывайте, Николай Николаевич, я тоже ведь статистик.

– И вы по статистике? – обрадовался тот. – У нас, шерами, полное родство душ! Ваши знания я уже вижу ценным грузом на моем диссертационном корабле. Это мы так не оставим! – и кандидат наук достал из стенного шкафа высокую бутылку с золотой головкой.

– Позвольте представить – мускат 1908 года, Португалия.

– 1908 год? – удивился Нежин, глядя на черно-вишневую ароматную жидкость, которую Будин разливал в граненые бокалы.

– Девятьсот восьмой. От чернооких лиссабончек. Приобрел за границей, в командировке, – и Будин произнес тост: – Пью нашу дружбу, будущее сотрудничество.

Полувековой мускат обжег Нежина тысячью приятных укулов в небо и поразил приятным, ни с чем не сравнимым букетом.

– Черт возьми! – восхищенно вырвалось у него. – Португальцы кой-что смыслят в винах!

Время перевалило за полночь, но ужин продолжался. За мускатом последовало белое «Асти» из Италии.

– От Рафаэля Санти, – пояснил Будин. – Всегда с серебряной пробкой, всегда в треугольной бутылке, – и, разливая, спросил: – Мой бесценный Вадим, я вас не задерживаю?

– Время у меня есть, – ответил Нежин.

– Без работы? – искренне обеспокоился Будин.

– Нет, почему? Работаю в одном учреждении.

– «В одном учреждении», – передразнил его Будин. – Все секреты! Я вот заведовал статистическим отделом в Ростовском облисполкоме. Сейчас у меня годовой отпуск. Работаю в Московском финансово-экономическом институте. Пишу диссертацию и поэтому приехал к вам, ближе к объекту изучения. Так все-таки, в каком вы учреждении?

– В Главурани, статистик по металлургии.

– О! – многозначительно протянул Будин. – Тут уж, конечно, секретно.

– Да.

– Ну, мы с вами ведь и в этом деле пара. Я пишу совершенно секретную диссертацию – «Метод и организация металлургической статистики», – и, придвинувшись к Вадиму, он доверительно прошептал: – Не выхожу из секретных предприятий. Можно сказать, днюю там и ночью. Скоро и у вас должен быть.

А когда бутылка «Асти» опустела, ученый, забыв всякую осторожность, сказал:

– Слушай, мой сошампанник. Я хмелен немного... Но я покажу тебе одно письмецо. – И Будин, достав из бумажника светло-коричневый конверт, вручил его Нежину. – Только помни, секретно!

Польщенный доверием, Нежин вынул плотную голубую бумагу и, пропуская строчки, стал читать:

«Уважаемый товарищ Будин!

Спешу сообщить... для успешной защиты диссертации... только новейшие материалы, включая атомную металлургию... взятые из самой жизни... Помощь для доступа на секретные предприятия и тресты обеспечим письмом Министра...

Профессор Никольский».

– Новейшие материалы! Атомная промышленность! – тут же подчеркнул Будин. – Понятно? – И, взяв Нежина за руку, добавил: – Ты мне поможешь, конечно. У тебя, знаю, в Главурани сплошной атом. Это мне и надо.

– Помогу, – бездумно согласился Нежин. Он, как и Будин, был изрядно навеселе, и, кроме того, успокоен рекомендацией знаменитого Никольского.

– Мой Вадим, – обнял его Будин и налил еще вина. – Скажи, большой у вас главк?

– Да человек 200 будет. В одной нашей группе 14 человек.

– У группы свое название?

– Да. «Спецгруппа при начальнике Главурана».

– Да! Ведь ты в Главурани, – как бы вспоминая что-то, отяжелевшим языком проговорил Будин и упал головой на плечо Нежина.

– Линия, стало быть, военная?

– Оборонная. Вернее, линия атомной промышленности.

Далеко за полночь Нежин согласился давать консультации Будину в его работе над докторской диссертацией. Перед уходом, поддавшись настойчивым уговорам, Нежин сунул в карман 2000 рублей в счет будущего гонорара. Это было его второй ошибкой.

16. Жирные пятна

Язин знал, какими зоркими порой оказываются простые люди, и как помогают их сообщения госбезопасности, если сумеешь выделить в них рациональное зерно. Вот почему он направил в областное управление милиции своего сотрудника Смирнова, недавно сошедшего с университетской скамьи, но человека весьма проницательного.

– Ищите, Олег Андреевич, среди заявлений все, что может указать на какое-либо секретное место, где мог бы прятаться человек, – сказал ему Язин, по своему обыкновению, коротко и жгато. – При малейшем подозрении шлите людей на проверку. В особых случаях звоните мне.

Вечером 13 июля худощавый Смирнов сидел в душном кабинете старшего следователя и внимательно читал подряд все заявления, поступившие в милицию за последние месяцы. Рядом трудолюбиво жужжал небольшой вентилятор. Три пухлых серых папки лежали горой на столе. Изредка Смирнов откладывал бумаги, откидывался на спинку шаткого стула и на минуту закрывал глаза – гигиеническая привычка, усвоенная им с детства. Затем он снова погружался в бесконечный мир предложений, донесений, советов и жалоб.

«Товарищу начальнику милиции, – читал Смирнов страницу, вырванную из школьной тетради. – Заявление от шофера облпромбазы Онютина Алексея...»

Небольшое масляное пятно наглядно говорило о профессии заявителя, и Смирнову даже казалось, что он слышит запах бензина.

«Настоящим заявляю, что гражданка Фокина самовольно навела сенной сарай вплотную к моему деревянному дому, что в пожарном отношении...»

В жалобе на пожарную опасность ничего интересного не было, и Смирнов, не дочитав заявления, взял другое. Он просмотрел десятки бумаг – всех цветов и форматов. Но ни кража песка, ни самовольная засыпка сточной канавы, ни коллективная пьянка руководителей треста не привлекли внимания молодого контрразведчика. Он оживился лишь тогда, когда на стандартном листе для пишущей машинки прочитал:

«Товарищу начальнику!

Знаем мы все, какая в нашем городе промышленность. А потому и пишу, хоть не уверен. Вот что заметил. В воскресенье 17 июня рыбачил близ Щербатого острова, и совсем не клевало. Думаю, половлю в заводи, что выше. Вода высокая, еле догреб. В самой заводи тихо. Ловил я здесь, ловил – да опять без толку. Видно, жирные пятна, что на воде были, мешали. 24 июня опять в воскресенье приехал в этот заливчик. Думаю, снесло масло – и клев будет. Но опять по воде масло радугой блестит. Откуда, думаю, взяться маслу? Катера не заходят: кругом скалы, ни загореть, ни посидеть. И почему за неделю масло не смыло? И тогда еще раз съездил – и снова пятна рыбе мешают. Вот почему и пишу, может, там что-нибудь есть. Хоть и не уверен.

Егоров Никита Порфирыч, сторож райтрансконторы № 9, Тургенева, 6б».

Смирнов перечитал заявление. «В самом деле, отчего в удаленной от города каменистой заводи вдруг масляные пятна на воде? – думал он. – Может быть, там выход нефти? Или туда все же заходят катера?»

Слова Язина – «Действовать немедленно при малейшем подозрении» – всплыли в его голове, и он снял телефонную трубку.

Шел второй час ночи, когда начальник БОРа, выслушав доклад Смирнова, попросил прочесть ему заявление Егорова и тут же сказал:

– Немедленно берите людей и водолаза в скафандре автономного действия! Через Управление безопасности просите торпедный катер! Дорога каждая секунда. В самое заводи войти на

веслах. Ищите подводные щели, норы, отверстия. Предупредите водолаза: результаты поисков докладывать только вам. После возвращения разбор заявлений продолжайте!

Через час по черным водам Алмана мчался торпедный катер. Смирнов стоял на носу, и ему казалось, что он летит на гидроплане. Бешеный ветер несея навстречу, трепал волосы, резал утомленные глаза.

Заводь находилась в 20 километрах выше Ясногорска, близ того места, где белые и красные бакены днем и яркие огни ночью предупреждали суда о подводных камнях. Из жителей города сюда редко кто приезжал.

Было немного больше двух часов ночи, когда катер, бесшумно остановившись у входа в заводь, спустил на воду широкую лодку. Пелена низких облаков скрывала луну. Высокие скалы, точно гигантские бивни, окружали небольшую овальную бухту. Ни звук, ни всплеск, ни шорох не нарушали тишины. Лодка на веслах подошла вплотную к берегу.

На корме кунгаса в скафандре без шлема сидел водолаз Лубков. Никогда он не выполнял подобного задания: ночью при фаре искать подводный ход в скалах и затем о результатах тайно доложить хрупкому человеку, который руководил операцией. Лубкова немного успокаивало лишь то, что под водой он будет передвигаться без неудобных и путающихся под ногами шлангов воздушной подачи.

Не зажигая огней, Лубков встал во весь рост, и сейчас он высился на корме неуклюжей лодки – огромный и грудастый. Костюм отдавал теплым запахом резины, металлический круг рубашки-скафандра чуть резал плечи. На Лубкова надели и завинтили шлем, водолаз повернул холодную ручку кислородного аппарата на груди. Зашипела вводная трубка, и кислородный воздух будто выходящий из камеры автомашины полился в легкие. Кто-то махнул в темноте рукой, кто-то шлепнул ладонью по шлему, и Лубков шагнул за борт.

Как только он очутился в черной неподвижной воде, ощущение тяжести от водолазного костюма немедленно прошло. Лубкову показалось даже, что он стал легче собственного веса. Сквозь стекла шлема он видел сейчас одну темноту. Соблюдая максимальную осторожность, он зажег фонари только тогда, когда коснулся свинцовыми калошами каменистого дна. В ярком свете показалась большая тупорылая рыба. Лениво шевеля плавниками, она уставилась на фонарь, за ней пришла другая, поменьше, за ней еще и еще. Рыбы все сплывались, как слетаются бабочки на огонь.

В сопровождении этой стаи ночных зевак Лубков двинулся вдоль скал. Темное дно колыхалось, точно нарисованное на колеблющемся живом полотне. Медленно и систематически водолаз обошел основание всех скал, но не нашел и следов какой-либо подводной расселины. Теперь следовало продолжать осмотр выше. Водолаз повернул рукоятку подачи воздуха и стал ждать, пока в скафандр соберется воздух. Работая руками и ногами, Лубков поднялся вверх метра на три. Цепляясь за выступы подводных камней, он снова прошел вокруг бухты. Однако и здесь нигде не было даже намека на какой-либо ход, щель или нору.

Еще раз набрав воздуха, Лубков поднялся выше, остановившись теперь в четырех-пяти метрах от поверхности воды. Здесь на скалах имелись удобные уступы, по которым он легко передвигался, помогая себе руками. И вскоре водолаз радостно вскрикнул: в желтом расплывчатом свете фонаря, наполненном сонными любопытными рыбами, зияла большая черная нора с зубчатыми краями. Лубков заглянул туда: проход тянулся далеко, пропадая во мраке подводных сводов.

Сомнений быть не могло! Перед ним подводный лаз, о котором нужно доложить старшему на лодке.

17. Пещера

Около пяти часов утра Смирнов, только что вернувшись из заводи, вошел в кабинет Язина. Полковник сидел над грудой разноцветных папок. Перед ним дымилась чашка с горячим молоком. Мягко горели матовые лампы, все так же вертелся большой фэн у потолка. Доклад Смирнова длился минуту.

– В бухте, где обнаружены жирные пятна, глубина – 12 метров. Дно каменистое. Осмотр скал у дна не дал ничего. На середине скал – тоже. Лишь в четырех-пяти метрах от уровня реки у скалы № 3, вот этой, – Смирнов положил перед Язиным наскоро набросанную карту бухты, – водолазом обнаружен вход в подводную пещеру. Ширина его – около метра, высота – чуть меньше. Номера скал идут от левой руки.

– Можно ли проникнуть в пещеру?

– Для водолаза узка. С кислородной маской можно.

– Какова разница колебаний уровня Алмана? – спросил Язин уже стоя.

Зная, что полковник требует от подчиненных предусмотреть все, будто сами они руководят розысками, Смирнов продумал его возможные вопросы. «Обнаружится ли пещера при минимальном уровне воды на реке? – говорил себе Смирнов. – Если нет, значит, это вход в скрытое водою убежище». У диспетчера пароходства он успел узнать колебания уровней реки и поэтому без запинки ответил:

– Минимальный уровень воды в Алмане на 4 метра 18 сантиметров ниже сегодняшнего.

– Что сделано еще?

– Приготовили кислородную маску. Пригодна для спуска под воду до 30 метров. Запас кислорода на 40 минут.

– Немедленно в бухту, – сказал Язин уже в коридоре.

Солнце еще не поднялось, а в небольшом речном заливе, огороженном скалами, появилась лодка. В ней сидели два рыболова в широкополых зеленых шляпах. Один из них, насадив приманку, забросил в воду удочку. Другой надел на обнаженное тело широкий пояс с прорезиненной кобурой, затем, осмотревшись, натянул на голову серо-коричневую, похожую на противогаз маску с круглыми очками. Гофрированная трубка шла от нее к кислородному аппарату на груди. Еще раз взглянув на скалы, Смирнов взял с кормы камень-балласт и дал своему спутнику сигнал. Язин стал табанить кормой вперед, пока не подошел вплотную к третьей скале слева. Здесь Смирнов, не подымая всплесков, спустился в воду. Язин выбрался на середину заводи и, заметив время, весь ушел в уженье.

Холодная вода неприятно обожгла ноги и грудь Смирнова, но вместе и освежила голову, отогнав сонливость. Смирнов опускался, держа камень в одной руке и двигая другой, как рулем погружения.

Над ним серо-зеленым потолком брезжил тусклый свет. По возрастающему давлению воды на грудь Смирнов понял, что он на большой глубине. Работая ногами и свободной рукой, он подплыл вплотную к скале, поросшей осклизлыми водорослями, и здесь взглянул на счетчик, вмонтированный во внутреннюю сторону маски, воздуха осталось на 36 минут. Но вот в прозрачном свете показался подводный лаз.

Сильным гребком контрразведчик вплыл в темнее отверстие и выпустил камень. Вода подбросила Смирнова, ударив о рваный потолок. Изогнувшись, чтобы руками и ногами касаться дна, работник БОРа стал медленно пробираться вперед.

Через несколько метров каменный ход сузился настолько, что Смирнов едва протискивался. Но он все полз и полз по ледяному горлу, рискуя застрять в нем навечно. Мышцы сводило, стучали зубы. Лишь мерцание счетчика напоминало, что в природе существует свет.

Кислорода оставалось на 19 минут.

Но вот ход начал расширяться. Давление воды на грудь уменьшилось. Смирнов уже шел, выпрямившись во весь рост. Он старался двигаться бесшумно, зная, что впереди его может поджидать еще более страшная опасность. Если тут скрываются люди, они, конечно, не выпустят живым человека, раскрывшего тайну их пристанища. Потом он попробовал всплыть – и выглянул из воды. Сделав несколько гребков, он ударился о камень и, уцепившись за него, выбрался на сухое место. Теплый воздух приятно охватил тело. Сняв с лица маску, в которой остался 12-минутный запас воздуха, Смирнов долго и тяжело дышал.

Сейчас он понял, что все время двигался вверх по каменной трубе, и, поднявшись выше уровня реки, попал в пещеру, сообщающуюся с заливом. Вокруг стояли кромешная тьма и полное безмолвие.

Открыв кобуру, так чтобы при первой же опасности выхватить пистолет, и включив сильный фонарь, Смирнов начал методический осмотр пола, стен и потолка пещеры. Небольшой выступ в стене привлек его внимание. С трудом взобравшись на него, Смирнов почувствовал воздушную тягу. А еще через мгновение он легонько свистнул: воздух, шедший через невидимую щель над головой, явственно отдавал запахом масла.

18. Шакалье гнездо

Подтянувшись на руках, Смирнов хотел было осмотреть щель, из которой шла воздушная тяга, но пальцы, окоченевшие от долгого пребывания в воде, не выдержали, и он медленно сполз вниз, оцарапав ладони об острые камни.

Снова и снова поднимался Смирнов на скользкий выступ, чтобы добраться до щели. Это удалось ему лишь на седьмой попытке. В новой норе, шириной до полуметра, явственно слышались запахи масла и сырой кожи. Смирнов выключил свет.

Времени оставалось все меньше. Язин может поднять тревогу и, Смирнов был в этом уверен, спугнуть обитателей пещеры. Контрразведчик пробирался ощупью. Тяжелая маска мокрыми ремнями терла шею и плечи. Кобура и фонарь цеплялись за камни, стесняя движения. Но вот подняв руку над головой, Смирнов уже не достал потолка.

В новой пещере было темно и душно, как в каменной цистерне. В затхлой пустоте возникали десятки еле слышных звуков. Смирнов замер, пытаясь выделить отдельные шорохи. Где-то звонко упала капля, заставив его вздрогнуть и нащупать рукоятку пистолета. За ней вторая, третья. Вот что-то зашуршало, и Смирнов весь сжался, ему послышались шаги.

Бежали секунды, но все было спокойно. Чтобы разведать, есть ли кто-нибудь в пещере, работник БОРа пошел на смелый шаг. Он лег на землю, вытянул руку с фонарем, быстро зажег его и скользнул в сторону. На черной стене родился ослепительный желтый круг.

Пещера была пуста.

Смирнов схватил фонарь. Заметив узкий каменный коридор, он двинулся к нему и заглянул за крутой поворот. В конце его сквозь щели пробивались солнечные лучи. Это был выход, заложенный камнями.

В пещере явно кто-то обитал. Толстые доски прикрывали камни, образуя род помоста. На нем стоял грубо сколоченный стул. Слева от стула на полу виднелся табачный пепел. Под стулом лежали две кислородные маски типа КМ-9. Эта находка привлекла особое внимание Смирнова. На помосте стоял еще тяжелый ящик, сильно пахнувший минеральным маслом. «Тут, видно, взрывчатка или концентрированное топливо», – подумал Смирнов.

Освещая фонарем каждый дюйм потайного жилища, Смирнов рисовал себе облик хозяина пещеры: «Ножки стула довольно высоки, значит, неизвестный выше среднего роста. Доски подогнаны плотно, маски накрыты тканью – он аккуратен. Пепел от папирос лежит далеко, влево от стула – левша, длинные руки». И скоро примерная характеристика высокого длиннорукого левши была готова: чистоплотен, точен, склонен к размышлению, легко переносит одиночество, всегда настороже, курит, знает плотничье ремесло, физически силен.

Смирнов взглянул на часы. Прошло 75 минут. Через 15 минут Язин пустит ракету и вызовет людей с торпедного катера. Пора! Смирнов бросился по коридору. Солнечные иглы, пробивавшиеся сквозь щели, слепили и резали глаза. Быстро разобрав камни, Смирнов вышел из пещеры на невыносимо яркий свет.

Он очутился среди редких краснокорых сосен, у подножия высокой скалы. От упоительно свежего воздуха стучало в ушах. Смирнов почти побежал, оглядываясь по сторонам, прыгая через валуны.

«Скорей, скорей!» – говорил он себе.

Вдали показалась бухта и безмятежная лодка Язина. Смирнов хотел было помахать ему, как вдруг где-то недалеко возник отвратительный вой, будто в адской пытке из потерявшего рассудок человека тянули каждый нерв, каждую жилу. Скребущие душу вопли бежали волнами, чередуясь с неистовым захлебывающимся хохотом и плачем.

Замерев, с похолодевшим сердцем, Смирнов стоял неподвижно, а визгливо-омерзительные каденции все набегали на него сверху, слева, справа.

И так же внезапно воцарилась полная тишина.

19. Главный инженер

Прибыв в Ясногорск, Язин немедленно потребовал план Серого замка из горисполкома и из секретного фонда областного госархива. Одновременно он направил на Пушкинскую своих работников Дольского и Боброва. При помощи глассоскопа – прибора, определяющего на расстоянии материал, из которого сделаны оконные стекла, Бобров и Дольский должны были проверить, нет ли в окнах соседних с Главураном домов кварцевых стекол. Кристально чистый кварц позволяет делать через него дальностные снимки, не выходя из комнаты. Язин хорошо знал, как часто шпионские группы прибегают к телефотографированию работников секретных учреждений.

Как и следовало ожидать, городской план здания Главурана не содержал в себе ничего, что могло бы привлечь внимание Язина. Развернув синюю кальку на своем огромном столе, полковник быстро пробежал чертеж. На синем фоне четкие белые линии рисовали первый этаж, второй и так далее. Однако этот стандартный план не открывал строительных тайн, обязательных для здания секретного главка.

– Шифротелеграмма, – доложил вошедший секретарь.

Телеграмма сообщала, что здание Главурана строил в 1939 году главный инженер облспецстроя Сергей Иванович Зуев. Дав распоряжение в кратчайший срок установить место работы Зуева и пригласить его в Ясногорск, Язин стал рассматривать план, присланный из секретного фонда. Слежавшаяся бумага пружинила и сворачивалась.

«Совершенно секретно», – говорил шифр в верхнем правом углу. Разбирая этаж за этажом, раскладывая все новые и новые чертежи, Язин изучал здание, срисовывая один за другим потайные ходы, нанесенные на план яркой красной тушью.

Красный цвет говорил, что из аппаратной на первом этаже идет ход в охранные рвы подземелья. Однако Язин не нашел многих тайн Главурана. Зная, что действительная планировка не отражена здесь, он все же более двух часов изучал замаскированные ходы здания, чертил на бумаге отдельные детали галерей, уделив особое внимание подземным рвам и их соединению с аппаратной.

– Вернулся Бобров, – прервал работу Язина вошедший секретарь.

Специалист по глассоскопии Бобров лаконично доложил:

– Дольский проверял дома на север и запад от Главурана, я – на юг и восток. В окнах зданий на запад, север и восток – обычные стекла. На юг от Главурана в доме 99, по Пушкинской, обнаружен кварц.

– Этаж?

– Шестой. Девятое окно справа. Квартира 118.

– Кто?

– По домово́й книге – Козлов, Антон Елисеевич, пенсионер, 65 лет, бывший бухгалтер, беспартийный, вдовец.

Язин задумался, затем вышел из кабинета и направился к Смолину. Отдав ему распоряжение немедленно ехать к прокурору и просить санкцию на установку в квартире Козлова микрофотоаппаратов, Язин вернулся к себе. Спрятав шуршащую вощеную кальку в трубку-футляр и закрыв ее в сейф, он вызвал Жукова.

– Когда прибудет Зуев? – спросил он, глядя в живые голубые глаза своего заместителя.

– Зуев возглавляет главк. Министр дал согласие на трехдневный отпуск. Зуев уже ответил молнией, – и Жуков протянул телеграмму:

«Вылетаю реактивным зпт буду завтра утром Зуев».

За годы своей работы Язин постепенно отбирал из сотрудников БОРа наиболее энергичных, проницательных и смелых людей, которые могли бы предвидеть его распоряжения, а

зачастую и опережать в инициативе. И сейчас, желая проверить догадливость Жукова, Язин спросил:

– Что предпринято помимо вызова Зуева?

– Кое-что сделано, – одними глазами улыбнулся Жуков и положил на стол пакет. – Личное дело Зуева. Только что поступило.

Весь вечер и всю ночь с 13-го на 14-е Язин был лихорадочно занят. Доклад шел за докладом, задание следовало за заданием. В его просторном кабинете эксперт-химика сменял спектрографист, спектрографиста – микродактилоскопист, следоскописта – заведующий фотолaborаторией. Через стол Язина проходили фотоснимки, десятки оттисков пальцев, документы экспертизы, анализы. В ящик стола поступали личные дела сотрудников спецгруппы, а также Ганина и Скопина. Язин никому не доверял на слово. Он судил обо всем собственными глазами, собственным опытом и умом и с кропотливостью китайского кустаря изучал всех людей, попадавших под мощный объектив его розыскной работы.

В особо важных случаях Язин работал почти без отдыха, завтракая и обедая у себя в кабинете или во время поездки в автомобиле. Бывало, что он спал в сутки не более двух-трех часов, поддерживая себя жгуче-терпкими семенами дальневосточного лимонника. И сейчас Язин чуть поморщился, раскусывая его горьковатые зерна. Через два часа наступит желанная бодрость и ясность ума, исчезнет усталость.

Инженер Зуев, построивший Серый замок, прибыл в Ясногорск на следующий день в 10 утра. Это был невысокий коренастый брюнет с ясными карими глазами, сдержанный, скромный. Зуев располагал к себе, сразу вызывая прочное доверие.

За 20 лет работы он сумел подняться от рядового инженера до руководителя одного из управлений министерства. Сейчас Зуев был удивлен неожиданным вызовом в Ясногорск, где он построил всего лишь одно здание. В аэропорту его встретил широколицый, склонный к полноте человек и отрекомендовался:

– Жуков. Мы вас ждем.

Не говоря больше ни слова, он провел гостя к машине. Те двадцать минут, которые «Волга» неслась к белому зданию на Ростовской, Зуев с волнением смотрел на разросшийся город.

В солнечном кабинете навстречу Зуеву поднялся высокий, привлекательный человек.

– Язин, – представился он. – Работаю в госбезопасности. Извините, что мы отвлекаем вас от работы. Нам, однако, очень нужна ваша помощь.

С этими словами он подвел инженера к креслу и усадил его. Секретарь уже вносил две чашки дымящегося шоколада. С первых же секунд Зуев отметил, что Язин, хотя и бледен, но исключительно собран. «Лицо как у ученого», – подумал инженер.

– Мы должны перестроить большой дом, – начал Язин, дружелюбно смотря ему в глаза. – Тот самый, который вы построили здесь несколько лет назад. Без вашей помощи мы рискуем нарушить секретную планировку здания и, скажу откровенно, выдать некоторые тайны.

– Понимаю, – кивнул головой Зуев. – Вам надо показать секреты Главурана. Мне, однако, нужен план. Это ускорит работу.

Когда план был разложен на столе, Зуев, пробегая чертежи, постепенно восстанавливал в памяти деталь за деталью.

– Помощь ваша должна быть самой открытой, – добавил Язин. – Это очень важно для нас.

– Да, да, конечно, – задумчиво говорил Зуев, не отрываясь от чертежей и доставая авто-ручку.

Его память поразила Язина. Через десять минут Зуев был готов к докладу. Говорил он кратко и ясно. Полковник все более отчетливо представлял себе запасные ходы, хитроумные

приспособления для засекречивания тайных коридоров, разветвленную систему линий охраны здания.

Слушая, Язин стенографировал важнейшие моменты из доклада Зуева и одновременно просматривал пояснительные схемы, которые быстро набрасывал Зуев. Эти наброски Язин тут же клеивал между своими заметками в блокноте.

Окончив доклад, Зуев спрятал авторучку, откинулся на спинку кресла и неожиданно сказал:

– Вас не удивило, что я так быстро вспомнил здание, хотя строил его много лет назад? Объяснение очень простое: месяца два-три назад я уже делал доклад об этом же здании одному инженеру в Москве.

Собрав все самообладание, Язин спросил:

– В связи с чем, если не секрет, делался этот доклад?

– Тогда тоже от вас, из Ясногорска, приезжал инженер по фамилии... – тут Зуев задумался, – по фамилии Некрасов! Ему поручили ремонт здания. У Некрасова было направление к нам из Главурана и рекомендация от МВД.

– Как выглядел этот инженер? – спросил Язин, чувствуя, что летит в пропасть.

– Высокий, плотный, седоват, лет 50. Обходительный, речь вычурна.

Открыв ящик, Язин достал из него фотокарточку.

– Не он?

– Он, он! – радостно кивнул Зуев. – Антон Антонович Некрасов.

– Вы должны понять мое любопытство, – заговорил Язин, стараясь сохранить спокойствие, – мне казалось, что в изучении Главурана я первый. Мне поэтому интересны детали вашего разговора с инженером Некрасовым.

– Помню, Антон Антонович очень спешил: его вызывали в Минск. Для беседы со мной он располагал одним только вечером. Он так торопился, что забыл захватить с собой типовой план здания. Мы провели с ним приятный вечер. Разумеется, немного вина. Обаятельный человек!

– И вы рассказали ему то же, что и мне? – спросил Язин.

– Да, почти. Пожалуй, вам только рассказал больше. Кстати, вопросы у вас одинаковые: секретные ходы здания.

Когда Зуев ушел, Язин вскочил на ноги и принялся за бешеную гимнастику. Это было его обыкновенным приемом, чтобы отогнать гнев, волнение, успокоить нервы. Язин все более ощутимо понимал, что его противник обладает не только смелостью, граничащей с наглостью, не только широким набором фальшивых документов, но и точной информацией. Как никто другой, Язин знал, насколько трудно установить фамилию инженера, строившего секретное здание много лет назад, насколько трудно отыскать его, а затем еще и обмануть.

Было ясно, что противник долгие месяцы готовился к проникновению в Главуран. И перед Язиным возникли новые и страшные вопросы.

Не фотографировался ли главный журнал прежде и притом многократно?

Не уходили ли за границу атомные тайны Союза?

20. Цитатель Головнина

Отец Головнина, преподаватель гимнастики в институте, приложил много усилий, чтобы воспитать своего сына человеком воли и трудолюбия. Он сумел это сделать. Головнин-младший по одному лишь мысленному приказу накануне легко поднимался точно в 3–4 часа ночи, без видимого усилия мог обходиться три дня без пищи и воды, заставлял себя отказываться от любого удовольствия, в минуты наибольшей физической усталости мог забыть утомление. И уже дважды он вырывал из своей души зародившуюся было любовь.

При всем этом Головнин отличался внешней мягкостью и обходительностью. Редко кто понимал эту глубокую натуру, полную страстей, противоречий, жаждущую развернуть свои крылья во всю ширину. Его давней мечтой было путешествие по странам Европы, Азии, Америки. Ради кругосветной поездки он ничего не пожалел бы.

Проницательный человек, знакомый с людскими страстями, мог бы играть на особенностях его характера и даже использовать его в своих целях.

И Пургин, и Ганин частично подметили эту сложную мозаику духовной жизни Головнина, и именно поэтому он был взят на подозрение. Они знали о его романе с красавицей Гипой из бразильского города-гиганта Сан-Паулу, о тайном чувстве к Ольге Зариной. Наконец, они знали и о его цитадели на восьмом этаже. Но они не подозревали, что глубокая любовь к португалке Гипе временами заполняла его скрытое сердце. Тогда Головнин, глядя на Ольгу, видел сапфировые глаза Гипы, ее тонкие ноздри, трепетавшие в минуты ласки, ощущал ее словно изваянные из карара округлые плечи.

Василий Николаевич Головнин занимал квартиру из двух комнат на восьмом этаже дома по Кузнецкой. Секретный характер работы в Главурне ограничивал круг его знакомых. Из двух-трех друзей Головнину более других нравился Воропаев – умный, молодой, но уже поседевший работник спецгруппы. Однако и Воропаева он принимал у себя дома лишь в первой комнате, служившей одновременно и кабинетом и спальней. Вторая комната была всегда на замке, словно запретная зала волшебного замка. Никто не бывал в ней, никто не знал, что там скрывается. Только порой Воропаев бросал шутку, что в таинственной комнате, видимо, обитает экзотическая красавица, которую ревнивый Головнин привез из Бразилии. Но Головнин лишь загадочно улыбался и неизменно переводил разговор на другую тему.

При желании Головнин мог бы стать акробатом в цирке – настолько он был натренирован в сложных гимнастических упражнениях. А ясные голубые глаза, тонкий нос, мужественный подбородок и шапка вьющихся темно-каштановых волос сделали б его несомненным любимцем женской половины цирковой публики.

Если существуют люди, которые ведут две жизни, люди, которые, отработав служебное время, разительно меняются и становятся дома теми, кем они являются по натуре, то Головнин был из этой породы людей. Едва только он переступал порог квартиры, как тотчас же сбрасывал одежду и принимал ледяной душ. После сытного ужина из ржаного хлеба, яиц, сливок и фруктов Головнин ложился в постель на 60 минут. Неизменно в 7.30 он вставал, опять принимал душ, растирался жестким полотенцем. Затем он доставал из тайника в тумбочке ключ от второй комнаты. Если б теперь кто-либо постучался к нему, Головнин не отозвался бы.

Во втором кабинете с потолка свешивались кольца, канат, трапеция, вертикальный шест. С этими гимнастическими снарядами разительно контрастировала остальная обстановка. Здесь стояли три письменных стола. На ближнем к окну, освещенном слева, находились два микроскопа под чехлами зеленого шелка. В ящиках стола хранились тончайшие инструменты для препарирования насекомых – ланцеты, иглы, зажимы, скальпели, а также приспособления для анализа древесины различных пород, тканей, бумаги. На стеллажах вдоль стен, за светлым шелком занавесок можно было увидеть блестящие пробирки, банки с реактивами,

серебристые и белые порошки, прозрачные кислоты. На отдельной полке сверкали никелем пинцеты, тускло посвечивали платиновые иглы, паяльные лампы, миниатюрные тиски и чернели два электрических трансформатора, совершенно неожиданные здесь.

На стенах кабинета-лаборатории, выкрашенных голубым маслом, не было ни единого украшения. Только на втором письменном столе стояла цветная фотография темноволосой девушки. Снимок запечатлел ее безмятежную улыбку, ровный ряд зубов, ямочки щек. Это была вторая любовь Головнина, которую он скрывал от всех, даже от самой Зариной. Больше на столе не было ничего, кроме массивной чернильницы из зеленого уральского малахита и подставки для книг черного лака. В ящиках его хранилась бумага всех сортов, копирка, папки с сотнями исписанных страниц и портативная пишущая машинка.

Уже беглый осмотр стола номер три показывал, что за ним работает опытный фотограф. Черный увеличитель, набор ванночек и реактивов, светло-желтые и черно-зеленые пятна на фанере, которая покрывала стол, были красноречивыми свидетелями. Содержимое ящиков стола окончательно подтверждало, что Головнин знаком с микрофотосъемкой, телефотосъемкой и цветной фотографией. Германская «Лейка» с набором объективов Цейса, «Контакт» с микросъемочными объективами Ченса и скрытый в потайном ящике крошечный фотоаппарат «Колибри», размером с полспичечной коробки, говорили, что Головнин – технически хорошо вооруженный специалист своего дела.

Повернув ключ и открыв тяжелую дверь, Головнин не сразу вошел в комнату, встретившую его теплым застойным воздухом, а, по своему обыкновению, опустившись на одно колено, внимательно осмотрел, цела ли тончайшая коричневая шелковинка, подобранная под цвет пола и натянутая между косяками. Головнин дважды, утром и вечером, проверял целостность этой неприметной для глаза паутины, которая оберегала вход в его лабораторию. Никто не мог проникнуть сюда, не порвав контрольной нити. Сегодня, как и всегда, шелковинка оказалась цела. Она чуть выделялась на фоне блестящего лаком пола.

Войдя в кабинет, Головнин быстрым прыжком очутился на письменном столе. Как обычно, он был в синих шароварах, белой майке и черных носках. Вряд ли Левартовский, сидевший на службе в одном с ним кабинете, мог подозревать, что большой и медлительный Василий Николаевич, специалист по торию, знаток урановых руд, изо дня в день молча и методически работающий на электросчетчике, обладает подвижностью рыбы и ловкостью долгорукого гиббона.

Бросившись со стола на кольца, Головнин на мгновение повис на них, пружиня мышцами. Ноги его только что находились в полуметре от пола, но через мгновение идеальная «свечка» подняла их к потолку, а еще через секунду Головнин словно летал по комнате. Он описывал полукруги, делал переборы, носками ног касался потолка, со всего маха поворачивался спиной к окну и опять смотрел в его сторону. Каждое движение Головнина было точно, смело и математически рассчитано.

Вечернее солнце косыми лучами лило неяркий свет в кабинет Головнина, а он все летал и летал.

21. В лучах контрразведки

Сидя рядом со своим шефом, Жуков читал вслух материалы по Будину, собранные за эти дни:

– Анкетные данные по Будину таковы: *«Будин Николай Николаевич, 1907 года рождения, беспартийный. Отец – учитель сельской школы, мать – фельдшерница. Родился в Имане, Приморского края. Образование высшее. Не судим».* Это все, что он сообщил о себе, прибыв в Ясногорск.

Жуков взял из коричневой папки новую бумагу и продолжал:

– *«По командировке из Москвы прикреплен к Ясногорскому политехническому институту. Данные таковы:*

Будин, Николай Николаевич, 1907 года рождения, кандидат экономических наук, прибыл в Ясногорск в июне сего года, проживает по улице Песчаная, 40, квартира 24. Работает над докторской диссертацией по командировке финансово-экономического института, научный руководитель – профессор Никольский А.П. Имеет годичный творческий отпуск, цель прибытия – изучение методов статистического учета передовых учреждений города». Направление приложено, – добавил Жуков и поправил свои золотисто-пшеничные волосы.

– Что ответил институт?

Жуков перевернул несколько страниц и, не меняя интонации, прочитал:

– *«Будин Николай Николаевич, 1907 года рождения, доцент кафедры общей статистики, по решению ученого совета командирован в Ясногорск для работы над докторской диссертацией...»*

– Фотографии совпадают?

– Фотография, переданная бильдаппаратом, несколько смутна. Однако при визуальном сличении имеется некоторое сходство.

– Что дала экспертиза?

– Спецоптика дает расхождение фотографий. Экспертиза приложена. – И Жуков достал заключение экспертизы, но Язин спросил:

– Сняли ли копию с личного удостоверения Будина?

– Власов был послан в проходную Купаевского завода, где сейчас работает Будин. Он сфотографировал удостоверение. Копия в папке.

– Что ответила спецчасть института?

– Очень мало: *«Заведующий кафедрой, заслуженный работник, беспартийный, член ученого совета, в научной командировке».* Приложили фотографию. По тому же бильдаппарату.

– Есть сходство?

– Почти нет.

– Что дал Дутов?

– Будин на знакомство не идет. Неразговорчив. Сидел за одним столом, сказал лишь несколько фраз: *«Какая погода! Духота в зале!»* Осторожен, недоверчив. Быстро ушел.

– Как у Тонкова?

– Провал. На знакомство не идет.

– Отзыв профессора Никольского?

– Никольский, научный руководитель Будина, сообщил телеграммой, что Будин безукоризненно честный человек, высококвалифицированный. Телеграмма в папке.

– Провели ли опознание?

– Да. Передали по телефото в Москву два снимка. Один сделал Власов вплотную в проходной будке, второй – Кузьмин телеобъективом. В опознании участвовали директор инсти-

тута, секретарь ученого совета и заведующий спецчастью. Общий вывод: Будин ясногорский и Будин московский – разные люди. Но следует помнить, что телефото может дать искажение.

– Дальше!

– В институте тревога. Спрашивают: «В чем дело?» Пишут, что Будин не шлет писем, лишь одни телеграммы.

– Дальше!

– Часть материалов дает вывод: ясногорский Будин – самозванец. В подтверждение имеется, – тут Жуков быстро пересчитал бумаги, – 5 документов.

– Вторая часть материалов, – после паузы объявил Жуков, – сложнее. Наружное наблюдение установлено с 15 июля, не считая ранее начатого контроля со стороны УКГБ. Даю сводку:

«15 июля с 7 до 8 вечера Будин ужинал в ресторане “Дарьял”. В 8.05 уходил в гастроном. С 8.30 и до сей минуты не выходил из квартиры, где находится один. Обычные посетители квартиры Будина, по восстановленным данным, – почтальон, доставщица телеграмм, уборщица, прачка. Позавчера утром – это по данным ГБ – на имя Будина пришла телеграмма из Москвы. Ее содержание: “Срочно ускорить диссертацию. Кафедра задыхается...”»

– «Ускорить диссертацию», – задумчиво повторил Язин. – Ускорить... Телеграмма проверена?

– Проверяется.

– Сколько людей приставлено к Будину?

– Два для наблюдения, третий для связи. Это в одну смену.

– Добавить еще одного человека. Будин бесспорно дома?

Жуков несколько смутился.

– Из квартиры один выход. По донесениям – дома.

– Здоров?

– Это установить не удалось. К телефону подходил.

В это время вошел Зайцев, работник Управления госбезопасности.

– Простите, что перебил. Срочный пакет. Доставлен специальным самолетом.

Жуков принял пакет и вскрыл плотный светло-коричневый конверт, прошитый белым шнуром и скрепленный пятью сургучными печатями.

Это был ответ ЦУИ, Центрального управления информации. На шелестящей тонкой бумаге Язин прочитал:

«Совершенно секретно

Заместителю начальника БОРа КГБ майору Жукову Ю. И.

Шлем первые ориентировочные сведения. До 1940 года в Риге проживал белоэмигрант Углов Дмитрий Васильевич, 1907 года рождения, сын капитана царской армии, из дворян, сам поручик Белой армии. Найдено примерное сходство между присланной для опознания фотографией и Угловым Д.В. Идентификация проведена экспертами Широколовым и Огорелковым. О пунктах сходства сообщаем:

1. Шея длинная, средней толщины.

2. Форма лица округло-треугольная, основанием вверх.

3. Лоб выступающий, большой, ширина большая.

4. Нос тонкий, средний.

5. Подбородок узкий, видна подбородочная ямка.

6. Правое ухо – раковина малая, прилегание уха полное.

7. Направление бровей косовнутреннее.

Уточнение продолжается.

*Дореволюционная биография Углова Д.В. и его отца Углова В.Н.
высылается шифром.
Начальник ЦУИ СССР полковник Снегирев».*

Отложив бумагу, Язин продолжал:

– Есть ли балкон?

– На квартире Будина есть балкон. Под наблюдением также. Перед балконом клумба. Можно спрыгнуть без ушибов.

– Сад освещается ночью?

– Нет.

Доклад Жукова продолжался еще несколько минут. Тут были и карта маршрутов Будина по городу, и отзыв об этом человеке официанта Маркова из «Дарьяла», и запись о работе Будина в статистическом отделе Купаевского медзавода, и другие бумаги и документы, из которых слагалась примерная картина действий «кандидата наук» в Ясногорске за последние дни.

Передвижения его в городе можно было графически представить так: из небольшого круга – квартиры на Песчаной – выходят четыре стрелы: на «Дарьял», на гастроном, на встречи с Нежиным, благодаря которым Будин и попал в орбиту внимания Язина, и на заводы.

В конце доклада Язин заметил:

– В нашей информации существенный изъян, Юрий Ильич: ни слова о посещении Будиным своего резидента. Напрашивается вывод: или Будин обходит наблюдение, или визиты шефу запрещены. – И полковник переменял тему: – А теперь займемся Козловым. Что нового?

– Вчера и сегодня Козлов сидит дома. За покупками посылал швейцара. Механизмы микроаппаратов вчера остановились.

Язин взглянул на часы, было почти 8 утра. Предстояла новая сложная операция, и он сказал:

– Аппаратура из комнаты Козлова должна быть убрана не позже 8 часов завтрашнего утра. Не позже, – твердо повторил он.

22. Синий тарантул

Когда в кабинете Ильина шли тончайшие химические, газометрические и дактилоскопические исследования, когда Язин изучал план Ясногорска и Серого замка, когда Ганин и Скопин анализировали личные дела четырнадцати сотрудников, когда Козлов тайно фотографировал каждого посетителя Главурана, – работник спецгруппы, которому человек с мозолью дал шпионскую кличку Синий Тарантул, неторопливо шел на работу.

Пройдя несколько кварталов и завернув за угол, он переждал, пока освободится дорога, занятая потоком грузовиков, затем вышел на Пушкинскую. Впереди показался знакомый темно-серый забор, чугунные ворота, черный квадрат номера дома с серебряной цифрой 100.

Синий Тарантул вошел в хорошо знакомый ему коридор проходной будки с огромным, всегда до блеска натертым стеклом. Предъявив первый пропуск, он двинулся дальше по асфальтовой дорожке среди клумб, засаженных альпийскими цветами. Второй, темно-красный пропуск он показал вахтеру в штатском уже в здании. Далее последовали привычные двадцать шагов по мраморному полу, и Тарантул, войдя в лифт, нажал кнопку с цифрой 5. Кабина быстро полетела вверх под легкое гудение мотора. На стене висело зеркало, и Тарантул взглянул на себя: сегодня он выглядел заметно утомленным – лицо было бледно, глаза возбужденно блестели, голубые тени под глазами выдавали бессонную ночь.

Выйдя из лифта, Синий Тарантул учтиво поклонился Пургану. «Не догадался ли он?» – уже в который раз спросил себя Тарантул, как всегда при встрече с этим непонятным и поэтому страшным человеком. Пройдя коридором и не глядя на номера комнат, человек с кличкой открыл дверь в свой кабинет. Его коллега уже сидел за столом, протирая замшей счетную машину.

Тарантул вынул из кармана ключи, открыл небольшой сейф, вмонтированный в письменный стол, и достал бумаги по оборонным рудам. Вторым ключом он открыл другой ящик и, вытащив электроарифмометр, включил штепсель.

Началась размеренная будничная работа, требовавшая ясной мысли, точности и находчивости ума. В красном окошечке счетного аппарата замелькали многозначные черные и зеленые цифры. На белоснежных листах бумаги они превращались в первоэлементы статистического учета, из которых в кабинете Пургина создавалось многоэтажное здание атомной статистики области – первой в Союзе по добыче радиоактивных элементов.

Тарантул заметил, что сегодня его руки чуть влажные, что он не может сосредоточиться на цифрах. Но постепенно под влиянием привычных умственных действий тревожные опасения стали проходить, перестали дрожать руки, на лицо вернулись обычные краски. Теперь счетчик Тарантула не делал ошибок, сильная рука с длинными пальцами в редких темных волосках уверенно нажимала на кнопки аппарата, быстро двигала рычаги и переносила бесконечные колонки цифр на листы статистического журнала.

Казалось, Тарантул весь ушел в вычисления. Но стоило только товарищу по кабинету выйти за дверь, как человек с паучьей кличкой бросил работу. Он глубже уселся на своем большом стуле, несколько раз провел рукой по волосам и, достав из кармана любимое свое лакомство – кубик рафинада, кинул его в рот, не подозревая, что этот рафинад выдаст его органам госбезопасности.

С тех пор как, став на путь предательства, он повел вторую жизнь, все размышления Тарантула вращались вокруг трех точек:

Как сохранить свою безопасность?

Как выполнить новое поручение человека с безжалостными глазами?

Как скрывать дальше те 130 тысяч рублей, которые он получил за истекший год?

И сейчас, раздумывая о деньгах, Тарантул хладнокровно взвешивал свои дальнейшие шаги. На сберегательные книжки нельзя класть больше ни сотни. Покупать облигации трех-процентного займа тоже нельзя – город пропитан контрразведкой, словно губка водой. «Они» все выявляют... И последняя встреча с Пургиным... в его взгляде было что-то странное. Может быть, он что-нибудь подозревает? Но усилием воли Тарантул отбросил страшную мысль.

Целый год он чувствовал себя так, как будто ежесекундно ступал по отточенному лезвию ножа. Постоянный страх и подозрения сказались на здоровье: кровяное давление повысилось.

Предательство и обманное богатство не давались даром!

Решив замаскировать новые 15 тысяч рублей, полученные им вчера, Тарантул подумал было о золотых часах. Но пара дорогих часов уже лежала в потайном ящике его тумбочки. Купить трехтысячерублевый фотоаппарат? Но уже два «Киева» и одну «Экзакту» он приобрел в начале этого месяца. Приобрести бриллиантовое кольцо за 19 тысяч? Эта покупка скрыла бы его деньги. Но она была еще опаснее: люди в Ясногорске не каждый день покупают кольца стоимостью в одноэтажный дом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.